

Жаба с кошельком

Автор:

Дарья Донцова

Жаба с кошельком

Дарья Донцова

Любительница частного сыска Даша Васильева #19

Сколько раз Даша Васильева попадала в переделки, но эта была почище других. Не думая о плохом, она со всем семейством приехала в гости к своим друзьям – Андрею Литвинскому и его новой жене Вике. Хотя ее Даша тоже знала тысячу лет. Марта, прежняя жена Андрея, не так давно погибла в горах. А теперь, попив чаю из нового серебряного сервиза, приобретенного Викой, чуть не погибли Даша и ее невестка. Андрей же умер от отравления неизвестным ядом. Вику арестовали, обвинив в убийстве мужа. Но Даша не верит в ее вину – ведь подруга так долго ждала счастья и только-только его обрела. Любительница частного сыска решила найти человека, у которого был куплен сервиз. Но как только она выходила на участника этой драмы – он становился трупом. И не к чему придаться – все погибали в результате несчастных случаев. Или это искусная инсценировка?..

Жаба с кошельком

Дарья Донцова

Глава 1

Найти мужа – это искусство, удержать его – профессия. Ей-богу, мне непонятно, отчего некоторые женщины стонут: «Мы не можем выйти замуж!» Бабоньки, плевое дело заставить парня пойти с вами в загс, но вот потом, когда отгремел марш Мендельсона и вы вернулись домой из свадебного путешествия из солнечной Турции или подмосковного санатория... Вот тут-то все и начнется. По большей части вас ждут не слишком приятные открытия: муженек-то, оказывается, храпит, требует горячей еды и глаженных сорочек. Еще хорошо, если живете отдельно от свекрови и она приходит в гости лишь по выходным. А если вынуждены делить с ней кухню! Это аут, мой вам совет: используйте любую возможность и убегайте от горячо любящей всех мамы. Со своим мужем вы как-нибудь разберетесь, а вот с его маменькой, желающей вам только добра, будет справиться намного трудней. Одна из моих свекровей, не стану тут говорить, которая по счету, постоянно громогласно заявляла:

– Я всегда на стороне Даши, обожаю эту девочку, она мое солнышко, радость, рыбка. И мне наплевать, что она абсолютно не умеет готовить, гладить, стирать и протирает антикварную мебель мокрой тряпкой, «убивая» бесценную полировку. Ей-богу, я совершенно не волнуюсь, когда она разбивает статуэтки китайского фарфора и роняет чашечку с кофейной гущей на бежевый персидский ковер стоимостью... ах, не надо о деньгах! Ведь не они главное, а человек. Дашеньку обожаю, чмок, чмок, чмок!

Вы можете считать меня неблагодарной сволочью, но на третьем чмоке у меня начиналась тошнота и нервная почесуха. Чувствуя себя последней гадиной, через пару месяцев жизни рядом с любящей свекровью я начала покрываться большими прыщами при виде ее. Вы, конечно, ни за что не поверите, но у меня открылась аллергия на свекровь. Находиться около нее я могла, лишь наевшись по горло супрастином.

Потом последовал развод, во время которого мать мужа вела себя просто идеально, нещадно ругая своего сына и изо всех сил поддерживая невестку. В конце концов мы с сыном Кешей снова оказались в Медведкове. А бывшая свекровь незамедлительно трансформировалась в мою подружку... Не могу сказать о ней ничего плохого, я получила от нее кучу советов и набралась житейской мудрости, люблю ее совершенно искренне, она была дорогой гостьей на всех моих следующих свадьбах и сейчас наезжает в Ложкино. Но... стоит услышать из прихожей ее высокий, абсолютно девичий, томно присюсюкивающий голосок, как у меня начинается отек Квинке.

Впрочем, иногда и жизнь без родственников не гарантирует вам счастья. Очень многие женщины примерно через два-три года после свадьбы с тоской констатируют: ну какого черта я поторопилась? Может, следовало подождать, повыбирать еще?

Впрочем, особо затягивать процесс выбора не стоит, иначе получится как с моей подругой Викторией Столяровой. В те годы, когда мы учились в институте, она демонстративно морщила нос при виде любого молодого человека.

– Фу, – бормотала она, – урод!

Мы все выходили замуж, разводились, рожали детей, Виктория же искала своего «принца». Когда ей сильно зашкалило, ну, скажем, кхм, за тридцать, стало понятно, что она самая настоящая классическая старая дева. То, что она наконец выйдет замуж, к тому же за очень обеспеченного, приятного во всех отношениях Андрюшу Литвинского, не мог предположить никто. Случилось это год назад. Причем познакомила их я. Андрюша не очень давно похоронил свою жену Марту и сильно загрустил. Мы изо всех сил старались развлечь его и постоянно приглашали в гости. В один из своих приездов он и столкнулся с Викторией. Кто бы мог подумать, что у них начнется безумный роман? Двое взрослых людей абсолютно потеряли голову и вели себя, словно ошалевшие подростки. Завершилось все пышной свадьбой. Вика переехала к Андрюшке в загородный особняк и стала самозабвенно заниматься хозяйством: посадила во дворе цветы, а в доме сделала капитальный ремонт, с переносом стен. И сегодня мы все: я, Зайка, Кеша, Александр Михайлович и Маня – едем к ним в гости, так сказать, на новоселье. Хотя по-настоящему считать это новосельем нельзя, скорее пирушка по случаю завершения ремонта.

До местечка под названием «Волшебный лес» мы добрались без особых приключений. Андрюша возвел тут особняк лет семь-восемь назад, когда его бизнес неожиданно пошел в гору и начал приносить стабильно высокий доход.

Марта тогда была категорически против переселения за город.

– Ну и за фигом это надо? – ныла она, сидя у меня в гостиной. – Стройка, грязь, сплошной геморрой. Только из нищеты голову высунули.

– Зато потом столько удовольствия, – я попыталась убедить ее, – свежий воздух, тишина, никаких соседей, и с собаками гулять не надо, вытолкнешь их в сад, и все!

– У меня нет собак! – отрезала Марта. – Неужели нельзя было деньги по-другому потратить!

– А летом за городом чудо как хорошо! – влезла Маня. – Воздух упоительный! Не сравнить с Москвой.

– Летом хорошо в горах, – мечтательно протянула Марта, – на лыжах кататься.

Машка скривилась:

– Ну, тетя Марта, вы и сказали! Летом охота покупаться, по лесу побегать босиком.

– Каждому свое, – объяснила та, – мне на лыжи встать хочется или с альпинистами пойти, вот это мое!

Что правда, то правда, Марта с юных лет любила таскаться с рюкзаком по горам, петь песни под гитару и ночевать в палатке. Лично меня это не привлекает. Вокруг вьются комары, туалет – под елкой, а умываться приходится из железной кружки. К тому же спать нужно в мешке, в тесноте, а я люблю устроиться на двуспальной кровати, на ней просторно.

Но Марта не обращала внимания на трудности и вечно норовила удрать в поход. Ругались с Андрюшкой они по-страшному. Литвинский-то рассчитывал, что жена станет сидеть дома, рожать детей. Но она предпочитала горы, а наследник у них так и не появился.

– Может, и хорошо, что нет детей, – вздохнул один раз Андрюшка, придя ко мне в гости, – Марта-то опять на какую-то вершину полезла, прикинь, какая бы из нее мать получилась, чистые слезы.

Я промолчала, иногда появление младенца творит с женщиной чудеса, но что попусту рассуждать? Детей у Литвинских нет и, учитывая их возраст, уже и не

будет.

Потом на Андрюшку рухнуло богатство, Марта мигом бросила работу и осела дома. Сначала муж был рад, потом начал жаловаться.

– Понимаешь, – объяснял он мне, – приползаю домой ни жив ни мертв. Весь божий день с клиентами кувыркаюсь, туристический бизнес – дело нервное. Доползу до койки и упаду, даже поесть сил не остается, а Марта обижается, дескать, не общаюсь с ней, не замечаю, разлюбил... А у меня весь запал кончился. Эх, все-таки плохо, что ребенка нет, занималась бы сейчас его воспитанием. Может, ей собаку купить, как полагаешь?

Я опять промолчала, не желая осуждать Марту. На мой взгляд, ей категорически нельзя было бросать службу. Ладно, я согласна, школа, в которой она всю свою жизнь преподавала немецкий язык, место нервное, но, оказавшись дома, она затосковала и принялась ради развлечения закатывать Андрюшке истерики.

Через некоторое время положение стабилизировалось. Литвинские пришли к консенсусу. Андрей два раза в год отпускал супругу в горы, а она в остальное время мирно варила суп и пропадала у телевизора.

Новый всплеск скандалов начался со строительством дома. Марта категорически отказалась переезжать, как она выразилась, в деревню. Аргументы она выдвигала самые разные, подчас нелепые.

– «Волшебный лес», – возмущалась Марта, нервно ломая сигарету, – ну и дурацкое названьице! Да кому ни скажу, все моментально ржать начинают: «Ой, умора, а где же Белоснежка и семь гномов!»

– Ну название дело десятое, – попыталась я ее вразумить, – наше Ложкино тоже звучит не ахти! Его народ Вилкино называет, Кастрюлькино и Кофемолкино. Не обращай внимания.

– И что, мне там безвыездно сидеть? – злилась Марта.

– Почему? – удивилась я.

– Так метро рядом нет и электрички, между прочим, тоже! – шипела она.

– Андрюшка тебе машину купит, – парировала я.

– Водить не умею!

– Научишься.

– Не хочу! – рявкнула Марта.

– Но почему?

И тут она назвала наконец истинную причину:

– Не желаю жить в колхозе.

Все! Никакие аргументы, что коттеджный поселок – это вовсе не фермерское хозяйство, на нее не действовали.

Марта полностью саботировала строительство особняка, не принимала участия в планировке комнат, которую ей с невероятным энтузиазмом подсовывал муж, ни разу не посетила участок и на все Андрюшкины заигрывания типа: «Марточка, какую мебель поставим в гостиной?» – мрачно отвечала:

– Любую, мне однофигственно.

Наконец вилла была готова, и Андрюшка затеял переезд. Марта, бледная от злобы, категорично заявила:

– Нет, я останусь тут, в городской квартире.

Разразилась такая война, что «Буря в пустыне» покажется детскими играми в казаков-разбойников. Андрюшка хлопнул дверью и заорал:

– Развод!

Более того, он с мстительным огнем в глазах заявил:

– Ладно, дорогая жена, если ты так твердо стоишь на своем, будь по-твоему. Живи здесь одна, а я поеду за город. Меня Москва убивает, плющит и колбасит. Значит, развод! Но, имей в виду, никаких алиментов тебе платить не стану, ступай снова в школу, учи Митрофанов!

Вот тут Марта перепугалась и с кислой физиономией перебралась в «Волшебный лес». Оказавшись в коттеджном поселке, она палец о палец не ударила, чтобы хоть как-то украсить быт. Десятки женщин, не в силах справиться с собой, покупают милые, совершенно ненужные, но так греющие душу пустячки: всякие керамические фигурки, забавные чашечки, свечи, эстампы, покрывала, салфетки. Марта не приобрела ничего подобного. Она не посадила ни одного цветочка, не купила ни одной подушечки, только морщилась, когда Андрюшка вечером, открывая окно, восклицал:

– Марта! Какой воздух! Его пить можно!

Литвинский все же чувствовал некий дискомфорт от того, что «сломал» жену, поэтому он не спорил, когда Марта намыливалась в горы. Она после переезда в загородный особняк принялась гонять на «тропу» четыре, а то и пять раз в год. Андрюшка только кивал:

– Съезди, дорогая, развлекись, нечего у телика гнить.

Как-то раз, приехав к нам и выпив малую толику коньяка, приятель разоткровенничался.

– Да уж, – произнес он, опрокидывая в себя содержимое пятого по счету фужера, – пусть она в свои горы катается, хотя что в них хорошего?

Я молча налила ему шестую порцию «Хеннеси». Андрюшке надо было жениться на тихой тетке, любительнице возиться с клумбами и грядками, а Марте бы в мужья сгодился завсегдатай Грушинских фестивалей авторской песни. Такой бородатый мужик, в грязных джинсах, с гитарой за спиной и с блокнотом собственных стихов в кармане. Вот тогда бы Литвинские и были счастливы, поодиночке, им не следовало жениться, они просто мучили друг друга. Что держало Марту около Андрея, было понятно: деньги. Впрочем, она и не скрывала

этого.

– Андрей невозможен, – сердито говорила она мне, – чем старше становится, тем дурее, но, увы, я должна признать: мне без него не прожить, а о поездках в горы в случае развода придется забыть раз и навсегда. На зарплату учительницы не поедешь на горный курорт, одни лыжные ботинки стоят годовую зарплату.

Почему Андрей терпел все выкрутасы Марты, отчего он не развелся с ней – вначале я не понимала. Между нами говоря, Марта отнюдь не красавица, денег зарабатывать не умела, хозяйкой была безобразной. У нее вечно подгорала еда, и, пока в их семье не появилась кухарка, Андрюшка питался в основном яичницей и бутербродами. Что привязывало его к супруге? Ведь и дети у них не сидели по лавкам. Супруги грызлись, как кошка с собакой, хотя наши Фифа и Клепа намного любезней с Банди, Снапом, Черри и прочими, чем Марта с Андреем. Но чужая жизнь потемки, я, естественно, никогда не заговаривала ни с ним, ни с ней на эту тему. В их семье мне больше импонировал мужчина, но я никогда не дала Марте этого понять. Впрочем, потом я узнала, что держит Андрюшку около жены, но об этом позже.

Чуть больше двух лет назад Марта отправилась в горы, как всегда, покататься на лыжах. Как сейчас помню, стоял первый месяц весны. Проводили мы ее второго марта, восьмого Андрюшка решил поздравить жену с праздником и начал звонить ей на мобильный. К вечеру забеспокоился, трубка монотонно талдычила: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

Правда, сначала он подумал, что Марта просто забыла зарядить мобильник, но утром, когда из телефона вновь понесся равнодушный голос автомата, Андрей забеспокоился по-настоящему. Где-то в районе обеда ему позвонили из местечка, название которого словно сошло со страниц литературной энциклопедии, – Грозовой перевал, так называлась деревенька в горах, где Марта каталась на лыжах[1 - «Грозовой перевал» – название романа английской писательницы Эмили Бронте.]. Запинающийся женский голос сообщил, что госпожа Литвинская попала в лавину седьмого марта около часу дня. Сейчас ее поисками занимаются специалисты, но с гор сошло много тонн снега, подмявшего под себя все. Толщина покрова огромна, надеяться на то, что Марта жива, практически невозможно.

Естественно, Андрюшка мгновенно улетел в горы. Целую неделю он со спасателями пытался что-то сделать, потом вернулся в Москву. Тело Марты не

нашли, она навсегда осталась там, в любимых горах. Думается, знай она, где ждет ее смерть, была бы счастлива.

Первое время Андрюшка бродил словно тень, совершенно потерянный, но потом ему встретилась Вика.

Вот уж кто был полной противоположностью Марты. Во-первых, Викуля обожала природу, цветы, птичек и животных. Она самозабвенно занялась ландшафтными работами на участке, поселила в особняке двух собак и завела аквариум. Во-вторых, мечтой всей ее жизни было жить за городом. А еще она, засучив рукава, переделала дом на свой лад. Андрюшка расцвел, помолодел и выглядит до неприличия счастливым. Они с женой ходят на прогулки, держась за руки, и любуются красотами природы. Вика бросила трудовую деятельность, раньше она преподавала в медицинском вузе английский и латынь, переквалифицировалась в секретаря и теперь помогает Андрюшке в бизнесе, сидит в его турагентстве, работает с клиентами.

Плавный поток моих мыслей прервал голосок Зайки:

– Смотри-ка, у них и въезд новый.

Заюшка притормозила у ярко-зеленых железных ворот и стала жать на клаксон. Они медленно, словно нехотя, распахнулись, мы вкатились во двор, и я не сумела сдержать возглас восхищения: повсюду, насколько хватал глаз, были цветы.

Через пару минут весело улыбающийся Андрюшка потащил нас по обновленному дому.

– Вот, смотрите, – бойко частил он, – сначала такой тамбурчик, тут можно сбросить уличную обувь, затем прихожая. Красивое зеркало, да? А это гардероб. Так, двинем дальше, холл, следом гостиная, не споткнитесь, мы ее «утопили», теперь сюда ведут три ступеньки. Кухня-столовая! Клевые аквариумы? Моя идея! Не захотел ставить стену, а разграничить пространство надо.

– Ой, какие рыбки! – пришла в восторг Зайка. – Особенно вон та, желтенькая! Ну прикольная! Губастенькая!

Андрюшка счастливо засмеялся и поволок нас сначала в баню, которая была тут же, затем на второй этаж.

Вика, пока муж демонстрировал спальни, кабинет, библиотеку и мансарду, возилась на кухне. Судя по умопомрачительным запахам, нас ждал лукуллов пир.

Громко выражая восторг, все сели за стол и принялись за еду. Следует признать: дом стал лучше, раньше мне было тут неуютно, особенно давили на психику темно-синие обои, которые в недобрый час посоветовал Андрюшке дизайнер.

Сейчас же их содрали, стенки выкрасили в светло-бежевый цвет, на окна повесили портьеры им в тон, и сразу стало радостно, весело, солнечно.

– Викуся! – спохватился хозяин. – А твой лук? Он где? Ну тот, сладкий! Что на стол не подала?

– Забыла! – подхватила хозяйка. – Сейчас в кладовку сбегаю.

Вымолвив последнюю фразу, Вика вскочила и унеслась. Мужчины выпили раз, другой. Зайка тоже тяпнула коньяку.

– Викуся, – крикнул Андрюшка, – ты где? Давай скорей!

Я встала.

– Она не слышит, где у вас кладовка?

– Сиди, сам позову, – отмахнулся он и, тяжело ступая, пошел по коридору.

– Красиво у них теперь, как-то спокойно, – пробормотал Кеша.

– Ага, – согласилась Зайка, – истерика ушла. Вика правильно сделала, покрасив все в светлый цвет.

– Мне кажется, она нарочно это сделала, – протянула Маня.

– Тонкое наблюдение, – засмеялся Кеша. – Если человек делает ремонт, он специально выбирает краску.

– Да я не об этом, – надулась Машка.

– А о чем? – ехидно спросила Зайка. – Сделай милость, объясни.

– Мне кажется, – заявила Маня, – что Вика решила изгнать отсюда дух тети Марты!

Зайка уронила вилку, а я удивилась, похоже, Марусяка права, дом стал совершенно другой, будто нарочито другой.

– Господи, – слышался вопль Андрея, – нет! Помогите!

Мы переглянулись и кинулись на зов.

Хозяин стоял на пороге небольшой комнаты.

– Что случилось? – воскликнул Кеша.

Андрюшка молча ткнул пальцем. Я невольно глянула в том направлении и взвизгнула. В воздухе болтались две женские ноги в разноцветных колготках, именуемых в народе «дольчики».

Глава 2

– Господи, – пробормотал Кеша, отступив в коридор, – что это?

Зайка заорала и прижалась к стене.

– Вика, – прошептала Маня, становясь зеленой, – это ее дольчики, она в них только что была, а теперь висит.

У меня возникло ощущение, что вокруг вязкое болото. Звуки практически исчезли, но глаза отчего-то не перестали четко воспринимать окружающий мир, они были прикованы к безвольно свисающим с потолка конечностям, неправдоподобно длинным и каким-то шишковатым. Ноги выглядели странно, через секунду я поняла, в чем дело, – у них отсутствовали ступни, внизу дольки заканчивались культяпками.

– Прекрати визжать! – рявкнул Александр Михайлович и встряхнул Зайку.

Она поперхнулась криком и прижалась к полковнику.

– Там... висит, – прошептала она.

– Ну висит, – как-то равнодушно подтвердил Дегтярев, – пусть себе качается.

От такого безразличия я чуть не потеряла сознание. Конечно, полковник каждый день сталкивается на работе с трупами, он приобрел иммунитет к подобному зрелищу, но мы-то нет! И потом, как он может быть таким, стоя возле повесившейся Вики?

– Чего вы орете? – поинтересовался Дегтярев.

– В-в-вика, – прозаикался Андрюша, – она...

– Небось не слышит вас, – пожал плечами полковник, – пошли в столовую, я еще не наелся как следует.

Это было уже слишком! Я подскочила к Александру Михайловичу и с гневом заявила:

– Как ты можешь! О еде! Рядом с трупом!

– Чьим? – хмыкнул Дегтярев.

Зая подняла дрожащую руку и ткнула пальцем в дольки:

– Ты не видишь? Вот!

– Что?

– Там!

– И чего?

Мое терпение лопнуло:

– Надо немедленно вызвать милицию!

– Зачем? – подскочил полковник.

– Дегтярев! – взвыл Кеша. – Сейчас же прекрати юродствовать! Не видишь, Андрею плохо!

Литвинский и впрямь навалился всем телом на косяк.

– Никак не пойму, – наморщился полковник, – о чем речь-то?

– Вика повесилась, – ляпнула Маня, – вон висит!

– Где? – вытаращил глаза Александр Михайлович.

– На крюке, – прошептала Зайка, – вон ноги.

– Ноги?

– Да.

– Чьи?

– Викины, – рявкнула я, – в цветных колготках!

Внезапно полковник расхохотался, вошел в кладовку и дернул за одну ногу, покачивавшуюся в полумраке.

Я зажмурилась. Нет, не зря говорят, что профессия накладывает несмываемый отпечаток на человека. Многие дантисты становятся садистами, а менты – преступниками... Ну полковник! Как он может так себя вести!

– Мама! – взвизгнула Маня. – Лук!!!

Я открыла глаза и ахнула. Под потолком болтались пустые колготки, на полу высилась гора из головок репчатого лука.

– Вы чего тут стоите? – раздался за спиной голос Вики.

– Там, – забормотал Андрюшка, медленно розовея, – там твои чулки!

– Ну да, – спокойно подтвердила Вика и всплеснула руками. – Кто же из вас весь лук рассыпал? Отвечайте, ироды! Зачем связки дергали!

– Лучше ты нам сообщи, – умирающим голосом пробормотала Ольга, – за каким чертом набила свои колготки луковыми головками?

– В журнале прочитала, есть такое издание, называется «Ваш огород», – объяснила Вика, – там было написано: если хотите сохранить урожай лука, положите его в плотные колготки, сто ден, подвесьте к потолку, и можете не сомневаться, весь год провисят. А у меня необыкновенный сорт, сеешь зимой, в мае уже головки, да такие сочные, сладкие, как яблоко. Вот я и решила последовать совету. Вчера весь день колготки набивала и подвешивала, а вы все разорвали, теперь собирайте, а я пойду принесу новые колготки. Вас тут много, вот и запихнете лук, да смотрите, аккуратно, по одной головке в ряд кладите, ясно?

С этими словами она ушла.

– Лук, – пробормотал Андрюшка, хватаясь за сердце, – хорошо, что на улице день и вы рядом. А пошел бы я вечером сюда один, точно бы умер.

– Кошмар, – подхватила Зайка.

– Я мигом понял, что-то не так, – заявил Кеша.

– И я, – влезла Маня, – слишком длинные ноги были.

Я хотела сказать, что сразу обратила внимание на непонятное отсутствие ступней, но тут Александр Михайлович противно захихикал:

– Ну вы даете! От Дарьи заразились? Ладно бы она завопила: висельник, висельник! Вполне в ее духе! Но ты, Кеша! Ей-богу, удивил!

Аркадий стал оправдываться:

– Тут полумрак, Зайка орет, мать рыдает, вот я и не разобрался сразу.

– И не думала рыдать! – возмутилась я. – Хотела как раз сказать, что висят ноги без ступней.

– Держите! – выкрикнула Вика, размахивая упаковкой шуршащей бумаги. – Да что у вас такой вид? Что случилось-то?

Андрюшка молча обнял жену.

– Я тебя люблю.

– Может, тебе температуру померить? – насторожилась Вика. – Похоже, заболеть начинаешь! Давайте не стойте, собирайте лук...

Мы сели на корточки и принялись за работу, слушая безостановочные указания Викули:

– Ровней, не так туго, не мните лук.

Потом Кеша повесил связку, и все отправились в столовую пить кофе.

Торт, который подали к чаю, описать невозможно. Три этажа бисквита, прослоенного вареньем, взбитыми сливками и тертым орехом. Верх шедевра украшали фрукты, уложенные в затейливый орнамент.

– И в какой кондитерской берут такое чудо? – воскликнула я, проглотив огромный кусище.

– Обижаешь, начальник, – засмеялась Вика и положила мне на тарелку еще добрый ломоть, – такого не купить!

– Ты хочешь сказать, что сама испекла торт? – поразилась я, быстро расправляясь со второй порцией.

– Ничего хитрого, – пожала плечами искусная кулинарка, – сначала печешь коржи, каждый по отдельности, потом делаешь начинку. Хочешь, рецепт дам?

– Нет, – быстро ответила я, – спасибо, не надо, лучше уж у тебя полакомлюсь.

– Лентяйка, – хмыкнула Вика, – всего-то три часа уйдет на готовку.

Я молча потянулась еще за одним куском. Вот поэтому я и не люблю скакать вокруг плиты с кастрюлями. Топчешься весь божий день, а съедается приготовленное за десять минут, и никакого эффекта. Сlopали вкусный обед, через пару часов снова голодные.

– Я вам сейчас чай налью в потрясающие чашки, – засуетилась Вика, – купила сегодня утром.

– Да? – удивился Андрюшка. – Ты мне ничего не говорила!

– Сюрприз, – протянула Вика, – тебе понравится, вот! – Жестом фокусника она открыла дверцы буфета.

Сервиз был сделан из серебра с позолотой. Изящные чашечки, масленка – все с орнаментом.

– Похоже, он не новый, – сказала Зайка.

– Антиквариат, – гордо заявила хозяйка, – восемнадцатый век, а может, еще раньше сделали.

– Где ты его только достала! – покачал головой Андрюшка. – Очень изящная работа, глаз радует, дай-ка!

И он принялся вертеть в руках молочник.

– Узор на всех чашках разный! – воскликнула Маня. – Смотрите, у меня охота, у Зайки рыбная ловля, а у тебя, мусик, что?

– У меня дамы с кавалерами пляшут, – сообщила я.

– Наверное, чашечки от разных сервизов, – не успокаивалась Маня.

– Нет, – улыбнулась Вика, – раньше так часто делали. Этот сервиз называется «Отдых в деревне». Видите, на сахарнице карета с лошадьми, а на масленке домик с садом? И орнамент по краям, везде, на всех предметах листочки.

– Дорогая вещичка, – с видом знатока заявил Кеша.

– Мне почти даром досталась, – радостно ответила Вика, – всего за триста долларов.

– Да не может быть! – подскочила Зайка. – Тут одного серебра килограмма два, а еще работа.

– Мне просто повезло, – пояснила Вика, – знаете, как я люблю посуду, в особенности старинную! Но ты, Зая, права, цены на аукционах просто ломовые, я пару раз ходила, только без толку, всегда находился кто-то побогаче. А в магазинах одна дрянь выставлена, антиквары – хитрецы, что получше – на торги отправляют или постоянным покупателям звонят... Так вот, поехала сегодня утром на наш рынок, тут недалеко, возле МКАД, мы там творог берем у крестьян, сметану, масло. Хожу по рядам, вижу – бабулька стоит, с чашкой.

Вика, в самом деле страстная любительница посуды, заинтересовалась, подошла поближе и ахнула. Бабулька держала в руках изящную вещичку из серебра, явно раритетную и очень дорогую.

– Сколько хотите за безделушку? – прикинувшись равнодушной, поинтересовалась Викуша.

– А сколько дашь! – прокашлял божий одуванчик. – Полтысячи не жалко?

Викуша чуть было не сказала, что пятьсот баксов все-таки дороговато за одну чашечку, отдайте, мол, за триста. Но тут до нее дошло, что бабуля хочет пять сотен в рублях.

– Дорого тебе? – по-своему поняла молчание потенциальной покупательницы старушка. – Так и быть, за четыреста уступлю. Ты не сомневайся, видишь пробу? Хочешь, возьми блюдечко и сходи вон туда, в ювелирный магазин, они подтвердят: серебро это, без обману. Это наша семейная реликвия, да нищета заела, вот и продаю.

Викуша с радостью протянула бабушке деньги. Та, аккуратно спрятав ассигнации, спросила:

– А может, весь сервиз захочешь?

– Какой? – спросила Вика.

– Так чашка из набора, – пояснила старушка, – дома еще пять стоят.

Обрадованная неожиданной удачей, Вика сунула пенсионерку к себе в машину, отвезла ее по указанному адресу в деревню и увидела в буфете красоту писаную. Плохо понимавшая ценность сервиза старуха запросила за него триста баксов, и Вика с превеликой радостью их отдала.

– Ну что, попробуем чай из этих чашек? – потирала руки Вика. – В первый раз я такой сервиз видела недавно в антикварном, но он стоит десять тысяч баксов, вот и не купила. А тут такая феерическая удача. Эх, жаль, совочка для сахара нет, потерялся, похоже.

– И чего хорошего в старой посуде, – скривилась Маня, – не понимаю я этого! Лучше новую купить, зачем пить из плошек, которыми пользовались посторонние люди? Фу, по-моему, это негигиенично.

– Я их тщательно вымыла, – рассердилась Вика.

– Все равно, – уперлась Маня.

Чтобы загладить бестактность девочки, я быстро сказала:

– Викуля, налей мне чайку или кофейку.

– Кофе не в эти чашки, – бормотнула Вика.

– Почему? – удивилась Зая.

– А бабушка предупредила: они только под чай, от кофе портятся.

И она загремела в буфете посудой, на свет появились фарфоровые изящные чашечки.

– Кофе сюда налью, – сообщила Вика, – так, кому что?

– Мне, естественно, чай, – плотоядно потер руки Андрюшка, – терпеть не могу кофе.

– И мне чаю, – хором ответили мы с Зайкой.

– Хочу кофе, – быстро сказала Маня.

Я подавила улыбку. Марусяка никогда не употребляет этот напиток, он ей активно не нравится, просто она не хочет прикасаться к антиквариату.

– Я тоже, пожалуй, кофейку, – протянул Кеша.

Мне стало совсем смешно. Брезгливый до болезненности, Аркашка избрал ту же тактику, что и Манюня.

Дегтярев же отказался и от того, и от другого.

– Позже, – сказал полковник, – я так объелся, что в меня ничего не вольется.

Домой мы поехали около полуночи. Кавалькада машин вырулила на шоссе. Кеша, посадив около себя Маню, как всегда, нажал на газ и унесся далеко вперед. Александр Михайлович, обладатель черного «Запорожца», безнадежно отстал, он не слишком уверенно чувствует себя за баранкой. Зайка молча рулила по Ново-Рижской трассе. Я сидела около нее, зевая и борясь со сном.

Вдруг Зая притормозила.

– Ты чего? – очнулась я.

– Меня тошнит, – пробормотала она и рванулась из машины.

В ту же секунду я почувствовала резь в желудке, потом к горлу подступило что-то мутное, тяжелое. Пришлось бежать за Зайкой.

Минут через десять мы кое-как пришли в себя, умылись, поливая друг другу на руки воду из бутылки, утерлись бумажными носовыми платками и вернулись в машину.

– Интересное дело, – пробормотала Ольга, – с чего это нас прихватило?

– Не знаю, – прошептала я, чувствуя, как к горлу снова подкатывает что-то отвратительное.

Зайка глянула на меня, я на нее, и в ту же секунду мы снова понеслись к канаве. Если честно, давно мне не было столь плохо. Голова кружилась, ноги дрожали, по спине тек холодный пот, в желудке ворочался раскаленный еж с торчащими в разные стороны иглами.

– Боже, – простонала Зайка, рухнув на сиденье, – умираю!

У меня было то же ощущение. В сумочке ожил мобильный.

– Мусик, – заорала Маня, – вы где?

– Еще на Новой Риге, – прошептала я, – на тридцать пятом километре.

– Что случилось, вы сломались?

– Да, – еле слышно ответила я и навалилась на Зайку.

Она откинулась в кресле и попыталась натянуть на себя плед, которым мы укрываем в машине Банди.

– Холодно мне, холодно, – лепетала она, – прямо трясет всю.

Меня тоже начал колотить озноб, и я решила включить печку, но вместо рычажка обогревателя ткнула пальцем в радио. «Это любовь, – понеслось из динамика, – что без денег делает тебя богатым, это любовь, о которой в книжках ты читал когда-то».

– Выключи, – прохрипела Зайка, – умоляю.

Но я не смогла пошевелить рукой, пальцы весили по сто кило каждый.

– Дай пакет, – еле слышно попросила Зайка, – из бардачка вынь.

– Не могу.

– Меня тошнит, скорей, дай.

– Не могу.

– Сейчас салон испачкаю.

– Ерунда.

Зайка попыталась наклониться и не сумела. Я в полном отчаянии поняла, что не могу ей помочь, меня словно парализовало. Перед глазами затряслась мелкая черная сетка, в ушах тоненько-тоненько запели комары. Последнее, что я увидела, перед тем как потерять сознание, было лицо Александра Михайловича с широко раскрытым ртом. Полковник рванул дверцы машины, Зая стала падать к его ногам, и тут свет померк.

Глава 3

Очнулась я в больнице, в Институте Склифосовского, в двухместной палате. На второй койке лежала синяя Зайка, рядом с ней стояла капельница. Впрочем, от моей руки тоже тянулась резиновая трубка к штативу с бутылкой.

– Эй, – достаточно бодро сказала Ольга, – ты как?

– Пока не пойму, – ответила я, – голова кружится.

– А у меня уже нет, – сообщила она.

– Что с нами приключилось?

– Мы отравились, – ответила она, – скорей всего, тортом. Наверное, взбитые сливки были несвежими.

– Господи, – простонала я, – мне дико плохо! Разве так бывает при отравлении?

– Еще скажи спасибо, что Александр Михайлович мигом вызвал «Скорую», – вздохнула Ольга, – пролежи мы там часок-другой, могли бы и умереть!

Я испугалась:

– Да ну!

– Запросто, – «успокоила» меня Зайка, – нам просто повезло, что Дегтярев ездит со скоростью сорок километров в час, он увидел нашу машину и мигом сориентировался.

– Муся, – завопила Маня, врываясь в палату, – ты такая страшная!

Зайка фыркнула и отвернулась к стенке.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

Маруся радостно ответила:

– Нормально!

– Но ты же тоже ела торт!

– И ничего, – бодро констатировала Манюня, – ни я, ни Кеша, ни Дегтярев не заболели.

Ну в отношении мужчин ничего удивительного, ни тот, ни другой не любят сладкое и едва прикоснулись к кремово-бисквитному безумию. Но Машка! Она на моих глазах без всяких угрызений совести и стонов по поводу калорийности продукта схавала треть тортика.

– Зараза к заразе не пристаёт, – ожила Зайка, – тебя, Маня, ничто не берет!

– Так бывает, – принялась отбиваться девочка, – нам тут доктор объяснил, случается порой: оба ели творог, так один умер, а второй даже не чихнул, просто краешек испорченный был. Мне достался кусок со свежими сливками, а вам с тухлыми. Скажите спасибо, что живы остались, вот...

И она осеклась.

– Что «вот»? – насторожилась я, чувствуя, как к спине снова подкрадывается озноб. – Ты о чем?

– Ерунда, – слишком быстро и весело затарахтела Манюня, – просто я имела в виду, хорошо, что вы не умерли...

– Маня, – велела Зайка, – а ну говори, что стряслось.

– Ничего!

– Не ври.

– Ей-богу.

– Лжешь!

Маруся покраснела.

– Ну... Андрюша... дядя Андрей.

– Что с ним? – подскочила я.

– Того...

– Чего?

– Того самого...

– Марья, – обозлилась Ольга, – а ну хватит кота за хвост тянуть. Что с Литвинским?

– Он умер, – брякнула девочка.

– Как? – заорали мы.

– Отравился, – со вздохом пояснила она, – как и вы, тортом. Только Вика сразу не поняла, в чем дело, решила – сердечный приступ, дала ему нитроглицерин, уложила в кровать, ну а когда Андрюше совсем плохо стало, вызвала «Скорую». Но машина застряла на МКАД, там авария приключилась, вот она и задержалась,

приехала поздно, Андрюша уже умер.

– Не может быть, – прошептала я, – не может быть.

Машка удрученно замолчала.

– Как же так? – пролепетала Зайка. – Как – умер?

Манюня зашмыгала носом, и тут в палату вошел молодой, очень серьезный доктор и приказал:

– Посторонних прошу удалиться, у нас тихий час.

– Это моя дочь, – сказала я.

– Все равно посторонняя, – не дрогнул врач, – завтра поболтаете.

Через неделю нам с Зайкой стало совсем хорошо, и Кеша привез нас в Ложкино.

– Одно радует, – констатировала Зайка, оглядывая себя в большом зеркале, которое украшает холл в Ложкине, – я наконец-то потеряла те три кило, которые мешали мне жить спокойно.

– Тьфу! – сплюнула домработница Ирка и ушла.

Конечно, ее реакция слишком резкая, но в общем правильная. Заюшку просто заклинило на диете, это становится похоже на фобию. Согласитесь, если девушка при росте метр шестьдесят пять и весе сорок четыре килограмма без конца талдычит о своем ожирении, это выглядит не совсем нормально.

– А вот ты, похоже, потолстела, – с радостью констатировала Ольга.

Я кинула взгляд в зеркало, даже если это и так, то меня сей факт совершенно не волнует.

– Чай будете? – спросила Ирка.

– Только без торта, – заорали мы с Зайкой, не сговариваясь.

Интересно, сколько времени должно пройти, чтобы мы смогли спокойно смотреть на бисквит со взбитыми сливками? Лично у меня при слове «торт» моментально начинаются спазмы в желудке.

– Мусик, – заорала Маня, – тебе Вика почему-то на мой сотовый позвонила!

Я испугалась. Господи, что же ей сказать? Прими мои соболезнования? Очень глупая фраза, мне всегда неудобно ее произносить, но делать нечего. Я схватила трубку и недрогнувшим голосом сказала:

– Викуля?

Я ожидала услышать плач или крик, но раздался спокойный, даже слишком спокойный голос Вики:

– Даша, мне разрешили сделать один звонок, произошло ужасное недоразумение.

Я удивилась. Странно называть смерть мужа недоразумением, не правда ли?

– Сейчас меня увезут...

– Куда? – не выдержала я. – Кто? Зачем?

– Меня арестовали.

– Тебя? – подскочила я. – За что?

– За убийство Андрея, – тоном, лишенным всяких эмоций, сообщила Вика, – очень прошу, найми мне адвоката. Спасибо. Извини, но больше мне обратиться не к кому.

Из трубки полетели частые гудки.

– Ну, как самочувствие? – прогудел, входя в дом, полковник. – Думается, теперь вас не скоро потянет на сладкое!

Но мне было не до собственного состояния здоровья.

– Вику арестовали, – налетела я на Александра Михайловича.

Тот вздернул брови:

– Какое обвинение ей предъявили?

– Убийство Андрея. Немедленно узнай подробности.

– Главное, не вопи! – рявкнул Дегтярев.

Я послушно замолчала и пошла в ванную. Вот уж бред так бред! Вика последний человек в этом мире, которому бы пришла в голову идея убить Андрея. Она совсем недавно обрела семейное счастье, дом и очень ценила то, что получила устойчивое материальное положение и статус замужней дамы. Произошла чудовищная ошибка, но, скорее всего, уже завтра Викулю с извинениями отпустят.

– Ты что там делаешь? – спросил полковник.

Я распахнула дверь:

– Умываюсь, а что?

Александр Михайлович молча посмотрел на меня, потом сказал:

– Ты сядь.

Было в его голосе что-то такое, мрачно-серьезное, от чего я обрушилась на унитаз и покорно ответила:

– Уже сажу.

– Лучше, если ты пройдешь в спальню и устроишься в кресле, – велел Дегтярев, – мне не нравится общаться с человеком на толчке!

Я быстро переместилась в указанном направлении.

– Ситуация непростая, – заявил приятель, – сама посуди: люди пили чай и кофе, ели торт. Двое из них отравились до такой степени, что оказались в больнице, а третий умер. Но с остальными-то ничего не случилось: ни со мной, ни с Маней, ни с Кешей, а тортиком лакомилась вся компания.

– Ну, случается такое, – тихо сказала я, – мы ели с одного бока, вы с другого. Наша часть оказалась испорченной.

– А вот у сотрудников правоохранительных органов возникло иное предположение.

– Какое?

– Те, кто остался здоров, вкушали кофе из фарфоровых чашек, заболевшие напились чаю из нового серебряного сервиза.

– И что? – не поняла я. – Какая связь между кофе, чаем и тортом с сальмонеллезом?

– Никакой!

– Тогда в чем дело?

– Чашки из нового сервиза были тщательно проверены, и...

– Ну, – поторопила его я, – говори скорей.

– И в каждой нашли следы яда.

– С ума сойти! – заорала я.

– Ага, – кивнул Дегтярев, – если бы Машка, Кешка и я решили откушать чаю, мигом бы попали в лучшем случае в реанимацию, ну а в худшем – на кладбище.

– Но при чем тут Вика?

– Похоже, это она положила отраву в чашки.

– Но зачем?

– Хотела убить Андрея.

– А мы при чем?

– Ни при чем, – мрачно ухмыльнулся Дегтярев, – она думала представить дело как несчастный случай: поели несвежий торт, и все. Когда один травится – подозрительно, а если это происходит с компанией, то больше похоже на банальный несчастный случай.

Я заморгала глазами. Вот уж бред!

– Есть еще один момент, – протянул полковник и замолчал.

– Какой?

– Я тоже сидел за столом, помнишь сей факт?

– Конечно, у меня с памятью полный порядок.

– Так вот, – продолжил Дегтярев, – отчего Вика подчеркнула, что из нового сервиза нельзя пить кофе?

– Она же объяснила: чашки могут от этого напитка испортиться!

– Каким же образом? – поморщился полковник.

– Ну, – растерялась я, – потемнеть слишком сильно или... не знаю. Ей так старушка сказала, продававшая сервиз.

– Не о старушке речь, – отмахнулся приятель, – ты мне про чашечки растолкуй, отчего в них нельзя налить кофе?

– Понятия не имею, – покачала я головой. – Мне вообще-то больше хотелось в тот вечер кофе, но я решила выпить чаю, чтобы Викушу не расстраивать, уж очень ей не терпелось обновить посуду.

– Да, – кивнул полковник, – сразу было видно, что Виктория Сергеевна страстно желает подать в серебряных чашках чай, именно чай и ничего, кроме чая!

Я уставилась на полковника. Дело плохо! Если Александр Михайлович начал величать кого из близких знакомых по имени-отчеству, значит, он считает его человеком, преступившим закон.

– Так почему именно этот напиток? – вопрошал Дегтярев.

– Говори, – мрачно потребовала я, – ведь ты знаешь ответ!

– Вроде, – кивнул он, – ну-ка скажи, что тебе известно о чае, а?

Я слегка растерялась.

– Растет в Индии, на Цейлоне, в Китае, Грузии, может, еще где. Многолетний кустарник, листья которого собирают руками, из-за чего резко повышается стоимость чая. Срывают лишь верхние то ли два, то ли три листка, только из них получается настоящий чай. Затем сушат, скручивают...

– Не об этом речь, – покачал головой полковник.

– А о чем?

– Чай отнюдь не такой невинный напиток, как принято считать, – начал рассказывать Дегтярев, – отчего-то люди полагают, что кофе бодрит, а чай успокаивает, и спокойно пьют его на ночь, а потом вертятся до утра в кровати,

не понимая, почему от них ушел сон. В чае содержится танин, вещество, по своим возбуждающим качествам более сильное, чем кофеин. И если в продаже имеются декофеинизированные зерна, то бестанинной заварки пока не существует. Чай намного сильнее кофе, и им категорически запрещается запивать лекарства. Знаешь почему?

– Нет.

– Танин очень быстро вступает в реакцию с разными веществами. Засунешь в ротик таблеточку аспирина, запьешь ее чаем и получишь совсем не тот эффект, на который надеешься. Танин ослабляет действие анальгина, плохо сочетается с антибиотиками и большинством сердечных препаратов. Кстати, вот ты любишь всем рассказывать, что изобрела замечательное средство от головной боли!

– Да, – кивнула я, – берешь три куска сахара, посыпаешь чайной заваркой, побольше, ложки две, кладешь в ситечко, обливаешь крутым кипятком и мгновенно пьешь. Гарантированно мигрень отступает, но только если у вас пониженное давление. Гипертоникам использовать это средство никак нельзя, может начаться криз.

– Правильно, – одобрил Дегтярев, – танин плюс сахар, и вы летаете, как на реактивной тяге. Людям с нарушениями сердечного ритма тоже не посоветую пить крепкий чай, этот напиток более коварный, чем кофе, а в модном ныне зеленом чае танина больше, чем в традиционном.

– Ну и к чему ты прочитал мне эту лекцию? – поинтересовалась я.

Дегтярев крикнул:

– Серебряные чашки изнутри были покрыты ровным слоем очень хитрого яда, настолько редкого, что наш эксперт сначала стал в тупик, но потом все же разобрался. Отрава активизируется только тогда, когда на нее попадает чай. К воде, кофе, соку, компоту она безразлична. Все дело в танине. Вступая в реакцию в общем-то с безобидным веществом, он мгновенно трансформируется в смертельную отраву. Названия у этого яда нет, это, так сказать, эксклюзив!

– Разве можно сложить два неопасных для жизни ингредиента и получить яд? – недоверчиво спросила я.

– Элементарно, – кивнул Александр Михайлович, – у тебя в школе что было по химии?

– Слабая тройка, поставленная учителем по фамилии Трякин из чистой жалости.

– Оно и видно, – усмехнулся Дегтярев. – Если взять, к примеру, самую обычную марганцовку, очень полезное обеззараживающее средство, и смешать с... не буду говорить тебе с чем, а то еще попробуешь. Ну еще с одним очень полезным, копеечным лекарством, то раздастся такой взрыв! Никакого пластида не надо, разнесет полдома в Ложкине. У вас что, на уроках учитель химии никаких фокусов не показывал? Наш так без конца. Возьмет одну пробирку с прозрачной жидкостью, потом другую с желтой, смешает, получается ярко-красный раствор, и дым начинает валить. Очень мне эти превращения нравились!

Я промолчала. В школе на уроках химии, сообразив, что никогда, даже под страхом смертной казни не сумею разобраться в этом предмете, я спокойно читала на самой последней парте Дюма и Вальтера Скотта.

– Концентрация яда, его сила, – закончил полковник, – зависит от количества танина, грубо говоря, от крепости чая. Вы с Зайкой не любите «густой» напиток, поэтому долили в чашки кипятка, что в конкретном случае и спасло вас, дело обошлось реанимацией. А Андрюша всегда пил только неразбавленную заварку, почти черного цвета, это его и убило. Вика отлично знала, что муж на дух не переносит кофе, он всегда употреблял только чай, разве нет?

Я молча переваривала информацию. Это правда. Андрей не терпел ничего, содержащего даже намек на кофе. Он никогда не пил ликер соответствующего вкуса, не лакомился конфетами с кофейной начинкой, его передергивало от кофейного мороженого.

– Ну и что? – пробормотала я.

– А то, – сердито заявил Дегтярев, – Вика покрыла чашки ядом и налила туда чай, надеясь на то, что отравление спишут на торт.

– Но почему же она остальным подала кофе в другой посуде? Логично было бы использовать остальные серебряные чашки.

– А вот и нет, – рявкнул полковник, – чашек шесть! Убийца перестраховалась, подумала, что яд может и не подействовать, придется повторить «угощение» – взять чистую чашечку и еще разок поднести чай мужу. Ей нужна была «чистая» посуда с ядом!

– А если бы все выпили чай? – не успокаивалась я.

– Если бы да кабы, – обозлился Дегтярев, – Кеша предпочитает кофе! Вика же это знает.

Глава 4

Ночью мне не спалось. Повертевшись под одеялом, я встала, открыла окно, навалилась на подоконник и стала курить, старательно выпуская дым наружу. Было тепло, непривычно тепло для московского июня. Сирень буйно цвела, распространяя замечательный аромат.

Вика отравила Андрюшку, а заодно для вящей убедительности, чтобы ни у кого не возникло ни малейшего сомнения в случайности произошедшего, чуть было не отправила на тот свет и меня с Зайкой. Разум отказывался этому верить.

После того как Дегтярев изложил цепь событий, я задала совершенно разумный вопрос:

– Зачем Вике убивать своего мужа? Жили они хорошо, Андрюшка ни в чем не отказывал любимой жене. Она свободно распоряжалась его деньгами, получила наконец возможность возиться в собственном саду. А Вика обожает грядки, клумбы. В ее крохотной московской квартирке каждый свободный сантиметр пространства мигом занимался горшком, из которого торчали либо колючие кактусы, либо какие-нибудь метелки. Викуля даже отрезала верхушку ананаса и посадила.

Дегтярев выслушал мою пламенную речь и ответил:

– Знаешь, очень часто мы абсолютно не знаем наших друзей. Что ты можешь сказать о Вике?

Я призадумалась:

– Ну... жила вместе с мамой, в отличие от нас всех не торопилась замуж, работала преподавательницей.

– У нее были любовники?

Я покачала головой:

– Нет. Вика все время проводила с матерью. Мы с Галкой Мамлеевой сто раз пытались познакомить ее с женихами, но Столярова отказывалась, усмехаясь, говорила: «Мне и так хорошо». А потом, когда ее мать умерла, Викуля вообще осталась одна!

Тут я внезапно сообразила, что на самом деле ничего не слышала о личной жизни пусть не подруги, но близкой приятельницы. Похоже, Дегтярев прав, что мне известно о Вике? Она любит цветы, предпочитает жить на свежем воздухе, ранее избегала мужчин... ну и все.

– И как ты отнесешься к тому, если я скажу, что у Виктории имелся любовник? – спросил Дегтярев. – Женатый мужчина, Сергей Прокофьев? Этим отношениям много лет, и они были совершенно бесперспективны.

Я обомлела:

– Любовник? У Вики? Женатый мужик?

Дегтярев кивнул:

– Да, они скрывали свою связь весьма успешно. Виктория после нескольких лет тайных свиданий поняла, что ничего хорошего ее с Сергеем не ждет, и разорвала отношения. Она вышла замуж за Андрея, прожила с ним год и тут...

– Что еще? – безнадежно спросила я.

Перед глазами неожиданно возникла странная картина. Смущенно улыбающаяся Вика сидит на берегу озера, а Александр Михайлович, сопя от напряжения, привязывает к ее ногам огромные булыжники, на которых аршинными буквами написано: «Неопровержимые доказательства». Сейчас он толкнет мою добрую знакомую в спину, и она без вскрика утонет.

– Жена Сергея скоростижно умирает, – медленно продолжил Дегтярев, – и он становится свободным, но теперь занята Вика. Парочка возобновила отношения, и Виктория принимает решение отравить Андрея.

– Она могла просто уйти от него!

– Нет.

– Почему?

– А деньги? Сергей беден. Уйти к нему – значит жить в нищете. Виктория стояла перед вечной проблемой: остаться с любимым в хижине или с постылым во дворце. И она сообразила, каким образом совместить приятное с полезным. Жена является наследницей мужа. А если учесть, что у несчастного Андрея в целом свете никого, кроме супруги, не имелось, то понятно, что бизнес, деньги, дом, машины, квартира – все досталось бы безутешной вдовушке. Спустя год после похорон она спокойно бы вышла замуж за Сергея, но не получилось. Осуществлению коварного плана помешал наш слишком въедливый эксперт.

Вот это информация! То, что у Вики имелся любовник, не могло прийти мне в голову, она никогда и словом не обмолвилась об этом. Никогда не откровенничала, не жаловалась на то, как тяжело любить человека, который не свободен. Удивительная, совершенно не женская скрытность!

– А откуда вы узнали про любовника? – спросила я.

Дегтярев без всякой улыбки ответил:

– Как ни скрывайся, как ни прячься, а обязательно найдется человек, который что-то видел, кое-что слышал, обо всем догадался. Нина Супровкина сказала.

Я обомлела:

– Нинка? Она знала?

Было чему удивиться. Супровкина отчаянная сплетница, мне не нравится, когда она приходит в гости, потому что с самой сладкой улыбкой на лице Нинка сует нос во все ваши шкафы, а потом самозабвенно начинает рассказывать на всех углах, какой там царит бардак! Просто немыслимое дело! Если Нинка разнюхала про Вику такие жареные факты, то почему молчала?

– Знала, – кивнул Дегтярев, – более того, помогала любовникам, пускала к себе. У Сергея жена, у Вики мама, где им встречаться? Вот Нина и отдала им ключи от своей дачи.

Челюсть у меня отвисла почти до пояса. Нина вручила Вике ключи от дачи? С ума сойти! Умереть не встать! Супровкина славится редкостной жадностью и полным нежеланием помогать кому-либо, я и не подозревала, что она способна на альтруизм – принять участие в судьбе несчастных влюбленных. На Супровкину это совсем не похоже, скорей уж крокодил нежно обнимет тучного щенка, чем Нинка поможет вам.

– Когда Андрей умер, – сухо излагал факты Дегтярев, – Супровкина сразу пришла в органы и все рассказала, проявила гражданскую сознательность, помогла следствию.

От злости я сломала сигарету. «Проявила гражданскую сознательность, помогла следствию!» Читай – утопила Вику, спихнула ее с берега в озеро, с камнем на ногах.

В комнату неожиданно вползла сырость, я захлопнула окно. Адвоката Вике я найду. Или не надо? Все-таки она для достижения своей цели спокойно решила пожертвовать мной и Ольгой. Ведь мы могли и покрепче чаек плеснуть в чашки. И где бы были сейчас Дашутка и Зайка? Правильно, в тихом, уютном, зеленом местечке под названием «кладбище»! Я, конечно, устаю от суматошной жизни в нашем доме, постоянных гостей и криков, но погост слишком радикальное решение этой проблемы.

Я вздрогнула, села на кровать и обняла Хучика. Мопс сонно засопел и прижался ко мне толстым боком, покрытым нежной шерсткой. Нет уж, никакого защитника приглашать не стану, пусть Вике помогает государство.

Я легла в кровать, поворочалась еще минут десять, поняла, что не засну, села, запихнув себе под спину подушку, зажгла лампу и взяла книгу. Лучше уж почитаю, вместо того чтобы изводиться, вертяться без сна.

И тут ожил мобильный. Не знаю, как у вас, а у меня ночной звонок вызывает ужас. Случилась беда! Согласитесь, редко кто станет беспокоить после полуночи, чтобы сообщить радостную весть, типа: «Дашутка, сдал экзамен на пятерку».

Я машинально глянула на дисплей. «Нет номера», – виднелась в окошечке надпись. У человека на другом конце провода стоял антиопределитель.

– Алло, – прошептала я, – что случилось? Говорите!

– Даша, – тоже шепотом сказала Вика, – ты меня слышишь? Громче не могу.

Первым моим позывом было мгновенно отключить мобильник, но потом я обрадовалась. Раз Вика набрала мой номер, да еще в столь неурочный час, следовательно, ее освободили. Значит, она не хотела отравить нас с Зайкой и не убивала Андрея. Следовательно во всем разобрался!

– Викуся! – заверещала я, роняя на пол заснувшего Хуча. – Ты где?

– В следственном изоляторе, – еле слышно прошелестело из трубки.

Радость мгновенно погасла.

– Там есть телефон? В камере?

Вика кашлянула:

– За деньги тут все имеется, извини, времени мало, хочу лишь сказать, никому не верь.

– В каком смысле?

– Ну, следовательно уверен, что я отравила Андрея и пыталась отправить на тот свет тебя и Зайку. Это неправда. Понимаешь, неправда! Я не виновата! Клянусь памятью мамы!

Ее голос, тихий, словно шорох упавшей листвы, наполнился таким отчаянием, такой горькой безысходностью, что я моментально ответила:

– Конечно, такая ерунда. Не волнуйся, все будет хорошо.

– Я люблю тебя, – вдруг сказала Вика.

– И я тебя.

Послышался треск, сопение, потом Вика сдавленно прошептала:

– Ты третья, кому я звоню сегодня. Еще пыталась поговорить с Нинкой Супровкиной и Аней Батуриной, но они не захотели иметь со мной дело. Нинка пообещала утром пойти в милицию и рассказать, что в моей камере есть сотовый телефон. Даша, не верь! Я никогда... лучше мне... самой... туда...

Шепот пропал.

– Вика! – заорала я. – Стой, погоди, не вздумай! Адвокат придет завтра! Я сама попытаюсь разобраться в этом деле, я...

Но из трубки понеслись короткие, монотонные гудки.

– Вика! – заорала я. – Вика!

Хуч возмущенно залаял. Тут же ожили и остальные собаки.

– Что случилось? – сунулся ко мне Кеша.

Я быстро засунула трубку под одеяло.

– Кошмар приснился!

– Ну-ну, – недоверчиво ответил сын и исчез.

Я упала на подушку и мгновенно заснула.

На лицо закапала вода. У нас потекла крыша! Я села в кровати, тут же сообразила, что над моей комнатой не черепица, а мансардное помещение, куда год назад перебралась Манюня, и открыла глаза.

Около моей постели с опухшим красным лицом стояла Марго Вяземская. Вообще-то она Рита Иванова, во всяком случае, такие имя и фамилию она носила, когда мы учились в одном классе, в школе, расположенной за станцией метро «Кировская», нынче «Чистые Пруды».

В восемнадцать лет Ритка выскочила замуж за Глеба Вяземского, сменила свою простенькую фамилию на аристократическую и велела всем величать ее Марго. На Риту она даже не откликается, более того, лет десять назад она официально взяла это имя, и теперь у нее в паспорте написано – Марго Юрьевна Вяземская. Звучит ужасно, не правда ли?

Когда Марго играла свадьбу, я, приглашенная со стороны невесты свидетельницей, полагала, что сей союз ненадолго, но Вяземские живут вместе уже много лет, у них есть взрослая дочь, в данное время работающая в Америке. Марго так и не получила высшее образование, да оно ей и не нужно. Она замечательный парикмахер, мы все бегаем к ней причесываться, она третье десятилетие работает в крохотном салоне возле метро «Семеновская», и мне не лень мотаться из Ложкина туда, потому что никто, кроме Маргоши, не умеет соорудить из моих трех торчащих дыбом волосин шикарную прическу, радующую взор густотой и красотой локонов. Как у нее это получается, ей-богу, не понимаю.

Глеб в отличие от жены получил все дипломы, которые только возможно. Он – доктор наук, профессор, академик; страшно важный, дико умный и чрезвычайно авторитетный в мире истории человек. Глеб – член многих ученых советов, председатель разнообразных комиссий, обладатель кучи почетных званий; одна

беда – денег ему это не приносит. Получив полной охапкой почет и уважение, он имеет зарплату около трех тысяч рублей в месяц. При этом Глеб разъезжает на иномарке, хорошо одевается и курит «Парламент». Средства на безбедную жизнь себе и всей семье зарабатывает пэтэушница Марго. Она стоит у кресла по пятнадцать часов в сутки. Глеб выглядит великолепно, он подтянут, занимается на тренажерах, Марго оплачивает его абонемент в фитнес-клубе, следит за правильным питанием. Он не пьет. Маргоша же сильно располнела, у нее сейчас пятьдесят восьмой размер. Хорошенькая девушка Риточка Иванова, тоненькая, словно тростиночка, в которую безоглядно влюбился студент первого курса истфака Глеб Вяземский, теперь погребена под горами жира, прежними у Маргоши остались лишь глаза: большие, лучистые, смотрящие на мир с детским восторгом.

На фоне Глеба Маргоша выглядит еще старше. Загорелый, стройный мужчина и оплывшая, потерявшая всякие формы бабища. Один раз ее приняли за... маму Вяземского.

– Что случилось? – заморгала я, вытирая со своего лица слезы Марго пододеяльником. – Глеб заболел?

– Лучше бы он умер, – мрачно заявила старинная подруга и разрыдалась.

Я накинула халат.

– Вы поругались?

– Он сунул шарф и косметичку в духовку! – хлюпая носом, сообщила Марго.

– Кто?

– Глеб!

– Зачем?! Вот бред!

Марго всхлипнула, тоже вытерлась моим пододеяльником и завела рассказ.

Позавчера она поехала в подмосковный санаторий. Намечался очень выгодный заказ. Одна из ее постоянных клиенток, богатая дама, решила отпраздновать день рождения, откупив пансионат. Гулять предполагалось с размахом. Вечером заезд и праздничный ужин, потом танцы до упаду, сон, утром, вернее, следующим днем, продолжение банкета. Поскольку дамы встанут с взлохмаченными головами, а уложить самостоятельно волосы феном способна отнюдь не каждая, на тусовку была приглашена Марго. Клиентка, правда, вежливо сказала, что рада видеть цирюльницу гостей, но на самом деле Марго заплатили нехилую сумму за то, чтобы она утром причесала загулявших дам. Естественно, Маргоша согласилась, она постоянно озабочена добычей денег. Глеб любит хорошо покушать и красиво одеться, еще он предпочитает французский парфюм отечественному, а обувь носит только английскую. Сами понимаете, что его зарплаты хватит лишь на шнурки.

Маргоша честно отработала гонорар. Клиентка, страшно довольная, стала радушно предлагать:

– Останься еще, больше работать не придется, просто отдохни.

Марго позвонила мужу и предупредила:

– Задержусь до утра.

– Как хочешь, дорогая, – ответил неконфликтный Глеб, – я над книгой корплю.

Где-то около десяти вечера Марго совершенно разонравилась компания. Все перепились, и свободные мужчины начали приставать к ней и маникюруше Танечке, тоже приглашенной в санаторий. У Тани имелась машина, она довезла Марго до метро.

Таким образом, Маргоша оказалась около полуночи под родной дверью. Но открыть ее она не смогла, та с внутренней стороны была заперта на щеколду. Марго принялась звонить, потом бить ногой в филенку, наконец догадалась вытащить сотовый.

– Маргоша, – прочирикал Глеб, – ну, как веселишься? А я тут в ванной лежу, в пене.

– Я на лестнице, – сказала жена.

– Где? – удивился муж.

– У нас под дверью, внутрь попасть не могу!

– Господи! – воскликнул Глеб. – Извини, бога ради, я думал, ты ночевать осталась! Ща, выскакиваю, только голову смою, весь в мыле сижу.

– Домывайся спокойно, – ответила повеселевшая Марго, с облегчением понявшая, что с дорогим муженьком не приключилось никакого несчастья, – я покурю пока.

Минут через пятнадцать дверь распахнулась. На пороге замаячил Глеб в халате, с мокрой головой. Он обнял жену и попросил:

– Высуши мне волосы!

Ничего странного в этой просьбе не было, Маргоша всегда «укладывает» голову Глеба.

Они прошли в ванную, Марго наладила фен и услышала легкий стук двери.

– Кто там? – крикнула она.

– Слушай, я так простужусь! – воскликнул Глеб. – Никого там нет.

– Наверное, дверь не закрыта, вот и хлопает.

– Все заперто!

Но Маргоша существо тревожное, поэтому она пошла в прихожую и увидела, что брелок, украшающий ключ в замочной скважине, мерно покачивается на цепочке. Недоуменно пожав плечами, Маргоша причесала мужа и пошла на кухню. Здесь ее ждал новый сюрприз: в помойном ведре валялась бутылка из-под шампанского.

– Ты пил Абрау-Дюрсо? – удивилась Маргоша. – Один?

– Нет, конечно, – улыбнулся Глеб, – Павлик приходил, мой аспирант. У него сегодня статья вышла, вот, решил отметить первую публикацию с научным руководителем. Он так радовался, пришлось выпить с ним.

– А что вы ели? – спросила Маргоша, которая никогда не подозревает мужа ни в чем плохом.

– Сыр порезали, – грустно ответил Глеб, – колбаску.

– Ах ты мой несчастненький, голодненький бегемотик, – захлопотала Марго, – сейчас курочку подам, вот только духовку нагрее.

Повернув ручку, она пошла к холодильнику, намереваясь вытащить курицу, завернуть в фольгу...

Короче, она занялась ужином, но тут из включенной духовки понеслась такая вонь! Испугавшись, что забыла там сковородку с пластмассовой ручкой, которая от высокой температуры стала плавиться, Маргоша, натянув на руки толстые простеганные варежки, распахнула дверцу и ахнула. На решетке лежали чужая косметичка и шарф.

Глава 5

– Что это? – прошептала Марго, выуживая наружу найденное.

– Пудра, губная помада и прочая дрянь, – буркнул Глеб.

– Но как они сюда попали? – недоумевала наивная Маргоша. – Я не пользуюсь такими дорогими вещами, тут сплошной Диор!

Любая другая жена мигом бы сообразила, в чем дело, и налетела на неверного муженька с кулаками. Даже мне в процессе рассказа стало понятно, что Глеб,

воспользовавшись отсутствием законной супруги, привел любовницу, а когда неожиданно-негаданно женушка заявила домой, проявил недюжинную смекалку, запихнул пассиву в шкаф, намочил себе голову и сунул Марго в руки фен. Пока моя глупая подружка хлопотала вокруг изменника, девица выскользнула наружу. Вот только она забыла на кухне косметичку с шарфиком, а Глеб в страшной спешке засунул улики, как ему показалось, в самое укромное местечко, в духовку. Да уж, коли изменяешь жене и прячешь в плите вещи любовницы, не требуй тогда вкусного ужина.

– Правильно, – затопал вдруг ногами Глеб, – ты вообще ничем не пользуешься! Погляди на себя, просто бочка с салом! Отвратительная, жирная, бесформенная. Да с тобой стыдно куда-нибудь пойти! Что за одежда? Где ты откопала эту юбку! А сапоги! Говнодавы! Такие носили во времена Наполеона! Отчего ты не оденешься нормально? Просто позор! С тобой поговорить стало не о чем, клуша! Да, у меня есть другая, но в том, что она появилась, виновата только ты, ты, ты и больше никто.

Как все мужчины, Глеб моментально нашел козла, вернее, козу отпущения – жену. Впрочем, посмотрите вокруг, такое поведение свойственно сильной половине человечества.

Если бы я оказалась в подобной ситуации, то ни за что бы не стала радовать неверного муженька своими слезами. Сначала доходчиво объяснила бы ему: плохо одета оттого, что трачу последние заработанные деньги на его костюмы, преспокойно сложила бы все шмотки развратника в сумку и пинком отправила поклажу на лестницу со словами: «Вот бог, вот порог, ступай к своей любви, желаю счастья, мой ангел».

И не надо бояться, что он уйдет навсегда. Мужчины терпеть не могут радикально изменять свою жизнь. Еще больше им не по вкусу, когда подобные решения принимают за них другие. Девоньки, зарубите себе на носу: правильно и вовремя брошенный муж подобен бумерангу, он обязательно прилетит назад.

Но Маргоша только рыдала, чем довела Глеба до белого каления. Много чего «хорошего» сообщил он ей в ту ночь. Потом как ни в чем не бывало слопал купленные женой йогурты и отправился спать на выстиранных ею простынях.

Бедная Марго лила слезы до семи утра, а потом поехала в Ложкино. Еще один дурацкий поступок. Никогда нельзя самой покидать семейную территорию, пусть уходит тот, кто выражает недовольство другой половиной.

– Делать что? – причитала подруга, превращая кружевной пододеяльник в засопливленную тряпку.

Я вырвала у нее из рук вконец испорченный угол и сунула ей носовой платок.

– Во-первых, успокойся!

– Да, – заныла Марго, – хорошо тебе...

– Очень, – кивнула я, – убежала от четырех мужей, может, поступала каждый раз опрометчиво, была нетерпима и слишком прямолинейна, но не позволила себя унижать!

– Ага, – причитала Марго, – когда это было! В молодости!

– У нас и сейчас еще не старость. – Я начала злиться. – Вот лучше скажи, ты чего хочешь?

– В каком смысле? – Она перестала рыдать.

– В смысле дальнейшей жизни, – усмехнулась я. – Вернешься к Глебу или ну его на фиг?

– Ох ты какая, – заскулила Марго, – злая! Я в него всю жизнь вложила, ухаживала, заботилась, а теперь другой отдать? Доктора наук и профессора! Готовенького!

– Ну и что? Хоть поживешь спокойно, без доуки.

– Я не могу одна! – взывала подруга.

На мой взгляд, существовать самой по себе намного комфортней, чем в паре, но спорить с Марго не стану.

– Значит, надеешься на мир с Глебом?

– У него любовь, – вновь залилась она слезами, – страстная, с девчонкой-аспиранткой, ей всего двадцать пять.

– Прекрати, – пнула я ее пяткой, – хорош выть, слезами горю не поможешь. Ладно, так и быть, научу, как поступить, но имей в виду, слушаться меня должна беспрекословно, ясно? Через три месяца, а то и раньше, Глеб приползет на коленях. А ну иди умываться!

Сгорбившись и всхлипывая, Марго поплелась в ванную. Я быстро влезла в джинсы.

– Какая ты худенькая, – завела Маргоша, выныривая из санузла. – Хорошо тебе!

Я усмехнулась. А еще встречаются люди, которые говорят мне с плохо прикрытой завистью ту же фразу, только заканчивают они ее по-иному.

– Хорошо тебе, два языка знаешь!

А кто, спрашивается, мешает вам их выучить? Я-то не родилась с нужным знанием в голове, корпела над грамматикой, когда остальные носились по танцулькам.

– Ты тоже можешь так выглядеть, – сообщила я Марго.

– Никогда, – занудила та, – куда мне.

– Есть план! – воскликнула я. – Ты худеешь, сильно... м... сколько сейчас весишь?

– Девяносто, – плаксиво протянула Маргоша, – утром, голая.

– А когда замуж выходила?

– Пятьдесят весила.

– Значит, надо потерять сорок кило, – резюмировала я, – отлично. Сначала приводим в порядок фигуру, потом меняем гардероб, макияж и прическу. Прости, но у тебя овин на голове.

– Руки до себя не доходят, – попыталась оправдаться Марго.

Вот еще одна распространенная ошибка замужних баб: думают, раз заполучили супруга, то все! Никуда он, родимый, не денется.

– Марго, – обозлилась я вконец, – ну-ка сделай одолжение, покажи мне, какой у тебя лифчик.

– Что? – изумилась подруга.

– Сними кофточку, – велела я.

– Зачем? – отмахнулась Маргоша.

– Стаскивай!

Она медленно расстегнула блузочку. Я прищелкнула языком. Так и есть. Мощную грудь Маргоши, похоже, размера пятого, не меньше, стягивал чехол из грязновато-серого, застиранного атласа. Одна бретелька прикреплялась к чашечке при помощи английской булавки. Да у любого мужика при взгляде на такую красотищу мигом случится полный и окончательный паралич нижней части тела.

– И ты в таком виде разгуливала перед Глебом! – вырвалось у меня.

– А что, – принялась оправдываться Марго, – он же чистый, просто я постирала его случайно с синей футболкой, вот и покрасился!

– Почему тут булавка?

– Ну оторвалась лямочка, никак не пришью!

– Сейчас полно красивого белья, – рявкнула я, – даже на твой размер!

– Прикинь, сколько оно стоит! – взвизгнула Маргоша. – Сто баксов бюстик! Откуда у меня такие деньги.

– Между прочим, когда Глеб приехал к нам, – прошипела я, – он щеголял в бане в трусах «Ферре», стоимостью в ту же сотню долларов.

– Ну, я ему купила, – вякнула Марго, – семь штук, Глебушка любит красивое белье.

– А о себе не позаботилась?

– Зачем оно мне, – равнодушно пожала жирными плечами Марго, – и так хорошо, чистое, и ладно!

Испытывая сильнейшее желание надавать ей пощечин, я заявила:

– Все, хватит, я больше не могу слушать эти глупости! Значит, так! Остаешься у нас! Глебу звонить не смей, он хотел свободы, пусть получит ее полной ложкой, желательно даже половником.

– Он с голоду умрет!

– Вовсе нет.

– Он без меня погибнет!

– Ошибаешься.

– А... а... он эту приведет, молодую!

– Пусть!

– Дашка!!!

– Хочешь вернуть любовь мужа?

Маргоша медленно кивнула, ее прекрасные лучистые глаза стали наполняться слезами.

– Тогда слушай! Живешь у нас! Худеешь на сорок килограмм, меняешь имидж, заводишь любовника.

– Что?! – подскочила Марго. – Я?! Ты с ума сошла!

– Ладно, – согласилась я, – давай решать проблемы по мере их поступления – сначала фигура, сядешь на диету.

– А толку? – скривилась подруга. – Когда меня нести в разные стороны начало, я чего только не перепробовала: молочную, белковую, углеводную, очковую, бессолевую, банановую, фруктовую, арбузную.

– Ну, моя совсем особая, – ухмыльнулась я, – есть можно все!

– Да? – насторожилась Марго. – Ты врешь, такого не бывает!

– Нет, точно, – захихикала я, – все: пирожные, масло, булки, котлеты, но при одном маленьком условии.

– Каком? – мигом купилась Марго. – Раздельное потребление белков и углеводов?

– Нет, – с самой серьезной мордой заявила я, – ты можешь потратить в день на продукты питания не больше пятидесяти копеек!

Пару минут Маргоша молчала, потом укоризненно заявила:

– С тобой просто невозможно иметь дело! Как была несерьезной, так и осталась! Ветер в голове свищет.

– Сквозняк в мозгу – верный признак молодости, – ухмыльнулась я, – как только под черепной коробкой установились тишина и покой – пора умирать.

– Иди ты на фиг, – рассердилась Марго.

– Уже лучше, – одобрила я, – значит, останешься у нас. Вот что, предлагаю поспорить: через месяц, если станешь меня во всем слушаться, Глеб на коленях начнет умолять тебя о прощении!

– Нет, – заспорила Маргоша.

– Да.

– Нет.

– Да.

– Нет!!!

– Да!!!! Вот что: если я выигрываю спор, ты всю жизнь будешь меня бесплатно причесывать.

– А если проиграешь? – прищурилась Марго.

– Тогда... ну... куплю тебе двухкомнатную квартиру, чтобы было куда от Глеба уйти.

– Я ее не возьму! С ума сошла!

– Вовсе нет, я ничем не рискую, потому что очень хорошо знаю мужчин и получу навсегда бесплатного парикмахера!

В столовую мы спустились вместе. Чтобы пресечь любые вопросы, я сразу заявила:

– У Маргоши дома ремонт, она пока поживет у нас.

Новость вызвала невероятный энтузиазм у женской части семьи.

– Во, классно, – заорала Манюня, – вот кто нас утром причесывать станет! Маргоша, сделай мне вечером мелирование, а? Зеленую прядку!

– Без проблем, – грустно согласилась та, – все, что пожелаешь!

– Мне бы не помешало слегка изменить прическу, – оживилась Зайка, – принесу вечером журнал, повыбираем!

– После ужина будут красить меня! – возмутилась Машка. – Я первая!

– Мне для работы нужен безупречный внешний вид, – пошла в атаку Зайка, – я мордой деньги зарабатываю!

Домработница Ирка, расставлявшая чашки, на секунду глянула в зеркало, молча поправила челку и сказала Марго:

– Только сами свои вещи не стирайте и не гладьте. Оставьте в ванной, мне в радость вам помочь.

Даже няня Серафима Ивановна, всегда сидящая за столом тише воды ниже травы, и та рискнула высказаться:

– Хорошо, когда у человека есть талант!

– Я первая, – подскакивала Машка, – все остальные потом!

– Нет, я, – злилась Зайка.

– Не спорьте, – вздохнула Маргоша и стала сыпать в кофе сахар: одну ложку, вторую, третью, четвертую, пятую... – всех обслужу!

Я, как замороженная, следила за процессом превращения кофе в сироп, потом встряхнулась, выхватила у подруги из-под носа кружку, поставила другую, отодвинула сахарницу и строго сказала:

– Ты забыла про свою аллергию на сахар!

В глазах Маргоши заплескалось разочарование, но она промолчала.

Александр Михайлович похлопал себя по лысине.

– В одном, Марго, можешь быть уверена: я рад тебе совершенно бескорыстно. Ну отполируешь мне голову воском, и все!

Маня захихикала. Зайка продолжала злиться:

– Кому-то в школе охота пофорсить, но у меня ведь работа.

Я подмигнула Кеше и указала глазами на дверь. Сын моментально встал и вышел в коридор. Я потрусила за ним.

– Что случилось? – спросил Аркадий. – Говори быстро!

Вот так всегда! С клиентами он готов болтать часами, а мне: «Живей, я тороплюсь».

– Хочу нанять тебя!

Кеша нахмурился:

– Нет!

– Но ты не дослушал и не знаешь, в чем суть дела!

– Ошибаешься, я великолепно понимаю, кому понадобился защитник – Виктории Столяровой. Нет!

– Почему?

– Она хотела убить тебя и Зайку. Извини, в данном случае ничем не смогу помочь.

– Вовсе нет. Вика не виновата!

– Я занят.

– Но мы отравились случайно!

– Ага, ядом, которым она покрыла изнутри чашки.

– Это не она!

– А кто?

Хороший вопрос! Мне предстоит узнать на него ответ.

– Не знаю, но не Вика.

Аркашка скривился, потом сказал:

– Ладно, спорить с тобой – бесполезное занятие. Если желаешь помогать человеку, который лишь по чистой случайности не убил тебя, флаг в руки. Найми любого адвоката, их сейчас как грязи.

С этими словами Аркадий развернулся и пошел наверх. Я топнула ногой, любой мне не подходит.

Перепрыгивая через ступеньки, я взлетела к себе в спальню, отыскала в телефонной книжке номер Ваньки Плотникова и потыкала пальцем в кнопки.

– Адвокатская контора «Плотников и Краснова», – раздался мелодичный голосок.

– Позовите Ваню, пожалуйста.

– Кого?!

– Ивана Петровича!

В трубке заиграла заунывная музыка, и через секунду я услышала бодрое:

– Плотников!

– Это Даша.

– Привет, – обрадовался Ванька, – надеюсь, ничего не случилось! Впрочем, я сглупил, у тебя же свой Плевак[2 - Ф.Н.Плевако – один из известнейших в добольшевистской России адвокатов.] о есть дома.

– Дело возьмешь?

– Конечно, – посерьезнел Ваня, – в двух словах: о чем речь?

– Вика Столярова...

– Нет! – перебил меня Ванька.

– Что – нет? – осеклась я.

– Не хочу иметь с ней дело.

– Но почему?!

– Видишь ли, – медленно протянул он, – мы с Андрюшкой дружили долгие годы, я у него в доме частенько проводил выходные.

– Но...

– Нет!

– Она...

– Извини, Дашутка, я тебя люблю, но не согласен. И компаньонка моя, Ленка Краснова, не возьмется.

– Послушай, – выдвинула я последний аргумент, – ведь я не о благотворительной акции прошу! Гонорар вам заплатят полностью.

– Мы с Ленкой, – отчеканил Ванька, – достигли такого положения и материального благополучия, что можем теперь выбирать дела!

Я зашвырнула трубку в кресло и принялась налистывать телефонную книгу. Сталкивались ли вы когда-нибудь с проблемой: приходите в магазин, ну, допустим, за люстрой. Бродите по огромному залу, набитому электроосветительными приборами, час, другой, а потом с тоской констатируете: светильников полным-полно, но все они отвратительного качества и уродливые, ни один нельзя купить. Выбор на первый взгляд огромен, но на второй – его вовсе нет.

Та же ситуация и с адвокатами. Сколько их в Москве, понятия не имею, похоже, просто тучи, но реально вытащить из беды обвиняемого способны единицы. Например, Михаил Барщевский, он вообще не проигрывает дела. Но Миша сейчас уехал отдыхать, его нет в Москве. Пальцы листали странички. Вот! Леня Райзман! Надеюсь, он в столице. Леня способен оправдать любого, а уж невинного человека совершенно точно.

– Слушаю, – бархатным голосом ответил Ленька.

– Привет.

– О, сколько лет, сколько зим! Дашута! Ты кого-то убила и хочешь выползти сухой из воды? – загрохотал Леня.

– Нет, возьмешь дело?

– О чем речь? Кто же откажется от работы?

– Виктория Столярова...

– Нет! Ее защищать не стану!

– Вы сговорились, что ли! – закричала я. – Сначала Ванька Плотников, потом ты, даже Аркашка отказал!

– Мы же дружили с Андреем, – тихо пояснил Райзман, – извини, не могу.

– Вика не виновата, ее оговорили!

– Пусть так, но она мне никто, а с Андрюшкой полжизни рядом прошло.

Я вышвырнула трубку в сад. Потом, испытывая угрызения совести, пошла вниз, собирать то, во что превратился верно служивший мне «Нокиа». Ну и черт с вами, ребята! Сейчас поеду в юридическую консультацию, заручусь в любую, которая попадется под руку, найму томящегося от безделья законника, пусть таскает в СИЗО для Вики сигареты и жареные куриные окорочка, пусть сидит на допросах, одним своим видом призывая милиционеров к порядку! Конечно, на суде от такого проку чистый ноль. Только суда-то не будет, потому что я за время следствия сама найду убийцу, того, кто задумал и поставил спектакль! И тогда посмотрим, как Ванька, Ленька и Аркашка станут трясти хвостами! Я абсолютно уверена, что Вика невиновна. Почему? Не спрашивайте, не знаю! Внутренний голос подсказал, а он меня никогда не подводит.

Глава 6

Сев в «Пежо», я отъехала от Ложкина и доручила до кафе под названием «Сладкий кусочек», расположенного на Волоколамском шоссе. Дома у нас все равно не дадут спокойно поразмышлять над создавшейся ситуацией. Стоит мне уединиться в спальне, как туда начинают ломиться домашние. Задав какой-нибудь идиотский вопрос типа: «У нас есть сливочное масло?», они потом незамедлительно вопрошают: «Ты заболела? Отчего сидишь с таким видом?»

Бесполезно объяснять им, что просто я погружена в раздумья и такое выражение на моем лице вызвано не предсмертной судорогой или почечной коликой. Ну-ка вспомните скульптуру Родена «Мыслитель», вот уж у кого

совершенно безумный вид, так это у голого дядьки, который подпер голову рукой. Однако ни у кого не возникает вопроса: ну почему он без одежды и отчего замер в столь неудобной позе? Нет, всем якобы сразу становится понятно: мужик задумался, небось озабочен судьбой человечества, от этого и забыл нацепить брюки. Я же, как правило, всегда сижу в джинсах, и тем не менее домашним и в голову не приходит, что обдумываю сложную проблему. Уж лучше посидеть в кафе, там никто не станет привязываться!

Я села у окна и уставилась на поток несущихся по дороге машин. На чем базируются обвинения против Вики? На том, что она, решив воссоединиться с любовником, убила богатого мужа, желая заграбастать его состояние. Значит, нужно разбить эту версию. Сначала зададим вопрос: а был ли любовник? Кто такой этот Сергей Прокофьев, таинственная личность, о которой за долгие годы знакомства Столярова ни разу не упомянула в моем присутствии. И потом, я помню, как произошла первая встреча Вики и Андрея.

Перед глазами мигом возникла картина. Вот мы все сидим в столовой и поглощаем удивительно вкусные пирожки, испеченные Катериной. Справа от меня наслаждается выпечкой приехавшая в гости Вика. Ирка вносит чайник, а за ней входит Андрей и говорит:

– Надеюсь, не помешал? Простите, ребята, появился без звонка, ехал к себе в «Волшебный лес», мимо вас, вот и зарулил от тоски. Меня-то дома никто не ждет!

– Садись, – начинаю хлопотать я, – вон туда, кстати, это Вика.

Столярова, отчего-то покрасневшая, роняет, к огромной радости Банди, пирожок и бормочет:

– Добрый вечер.

Андрюша восклицает с жаром:

– Очень рад!

В районе десяти, уезжая, Литвинский шепнул мне:

– Вика – красавица.

А Столярова, оставшаяся у нас ночевать, вошла в мою спальню и, конфузясь, спросила:

– Он женат?

– Андрей вдовец, а что?

– Очень интересный мужчина, – покраснела она, – и внешне, и внутренне, столько всего знает! Но я бы никогда не стала иметь дело с семейным человеком. Уводить мужа от жены считаю отвратительным. А вдовец... Это мне подходит.

Так что симпатия возникла у них с первого взгляда, и роман протекал просто стремительно: через пару недель после знакомства они подали заявление в загс. На свадьбе Вика казалась такой счастливой! Хотя почему казалась? Она и была счастлива сверх меры, подобное сыграть невозможно. По логике Дегтярева и его коллег выходит, что она пошла под венец с постылым человеком, чтобы сделать больно любимому, который никак не хотел развестись с женой, но я-то была на праздничной церемонии и помню, каким восторгом сияли глаза невесты, какой нежный румянец заливал ее щеки, когда подвыпившие гости хором начинали голосить:

– Горько! Горько! Горько!

Ладно, согласна, пусть Вика изображала счастье, но каким образом она ухитрялась краснеть? Это изобразить крайне сложно. Не всем актрисам, даже очень хорошим, удастся заплакать в кадре, и им приходится закапывать в глаза всякую дрянь! А тут – румянец! Нет, Вика была на самом деле счастлива.

Меня позвали свидетельницей из-за того, что судьбоносная встреча будущей супружеской пары состоялась в нашем доме. После бала, когда я усаживала Вику в машину, где уже находился слегка пьяноватый и усталый Андрюшка, Столярова обняла меня, уткнулась в шею и с совершенно несвойственной ей эмоциональностью шепнула:

– Господи, дождалась! Наконец-то! Я замужем за Андреем!

У меня из глаз чуть не хлынули слезы, лишь в тот момент до меня дошло, что Вика, как все бабы, давно мечтала о счастливой семейной жизни. Нет, абсолютно не было похоже, что невеста прикидывается, любит другого, а за этого выходит лишь из глупой мести.

– Простите, – робко спросила симпатичная официантка, – вам плохо?

Я вздохнула, вот еще одна, кому не понравилось выражение моего лица.

– Нет, мне очень хорошо!

– Извините, но у вас такая гримаса... я подумала, может, желудок болит или сердце!

– Ерунда, просто ногу натерла.

– Простите, – улыбнулась подавальщица.

– Ничего, – кивнула я, – очень хорошо вас понимаю, кому охота иметь дело со скончавшимся в кафе клиентом. Объясняй потом всем, что у вас чашки изнутри не покрыты ядом.

Девушка растерянно захлопала нагуталинными ресницами, а я пошла к двери. Поеду к Нинке Супровкиной и попытаюсь вытрясти из сплетницы всю информацию об этом Сергее Прокофьеве. Впрочем, сначала позвоню ей.

Нинка отозвалась мгновенно:

– Алле!

– Ты где? На городской квартире?

– Господи! В такую чудесную погоду? Нет, конечно, на даче.

– Я нахожусь недалеко от тебя, не будешь возражать, если заеду?

– Давай, – воскликнула Супровкина, – прикинь, у меня теперь растут розовые ландыши!

Я включила мотор. Насчет того, что я нахожусь вблизи фазенды Нинки, – чистая ложь. Супровкина обитает на Минском шоссе, а я – в начале Волоколамского, ладно, сейчас главное – попасть на МКАД.

Избушка Нинки расположена в садово-огородном товариществе с поэтическим названием «Бор». Одно время я считала, что люди, получившие тут по шесть соток, называя поселок, имели в виду лес, сосновый бор, еловый бор, зеленый бор... Но потом Супровкина объяснила мне, что кооператив создали стоматологи, и под словом «бор» они подразумевают не лес, а такую омерзительную железную штучку, при помощи которой вам сверлят зубы. Лучше бы Нинка мне этого не рассказывала, потому что каждый раз, когда я подъезжаю к ее дачке, у меня начинается сводить челюсти.

К слову сказать, в настоящее время поселок выглядит самым идиотским образом. Разбогатевший народ начал возводить на шести сотках особняки площадью в невероятное количество квадратных метров. «Дворцы» стоят так густо, что хозяева вынуждены днем и ночью держать шторы закрытыми, иначе их личная жизнь станет всеобщим достоянием. Подобное поведение остается для меня загадкой. Если уж ты заработал на двухэтажный дом, так собери еще немного денег и приобрети нормальный участок. Так нет же! Лепят «замки» вплотную друг к другу. Впрочем, можно и без кавычек. Вот это здание, с круглой башенкой, просто цитадель!

Я притормозила у знакомых ворот и ахнула. А где Нинкина халабуда? Куда подевался покосившийся на один бок домишко?

Ворота распахнулись, и появилась Нинка.

– Давай входи, только машину придется на дороге бросить, места на участке нет.

– Это твой дом? – глупо спросила я.

– Ну! – гордо воскликнула Супровкина. – Каков?

«Чудовищное зрелище», – чуть было не брякнула я правду, но вовремя прикусила язык.

– Ну? – настаивала Нинка. – Чего молчишь?

– Потрясающе, – ожила я, оглядывая варварское великолепие.

На самом деле здание невелико, оно одноэтажное, большим кажется из-за идиотской башни, похожей на лагерную вышку с охранником. Я еще могу понять, когда подобные терема возводят «новые русские», они в основном люди бывалые, не раз сидевшие, вышка для них привычная, родная часть пейзажа, без нее им как-то голо. Но Нинка! Ей с чего в голову взбрело выбрать такой проект?

– Когда же ты успела построиться?

– А за полгода. Быстро возвели, – тархтела Супровкина, – ты ко мне в последний раз приезжала...

– В марте прошлого года!

– Ну вот! Я тебе советую, если захочешь строиться, обращай только в «Инком», там есть такая Лада, настоящий крокодил!

– В каком смысле? – машинально поинтересовалась я, разглядывая почти пустую гостиную.

– В хорошем, – зачастила Нинка, – деловая очень. За три месяца дачу поставили, за три ее отделали! У этой Лады не забалуешь, знаешь, как она с работягами разговаривает, они ее как огня боятся. И счета все в порядке, ни копеечки не сперла, уж ты меня знаешь! Я каждую бумажонку сквозь лупу разглядывала. Ничего! На каждый гвоздик, на любую пружинку есть квитанция. А еще на дизайнера сэкономила, ну за фигом он мне, если Лада лучше его придумала. Вот смотри, здесь ступеньки, а тут вместо стены аквариум будет. Нет, только «Инком», все дело в деньгах, заплатил им, и все, дальнейшая головная боль их!

И ведь ни в чем не обманули!

Нинушка принялась таскать меня по комнатам, воспевая незнакомую Ладу. Я машинально ахала, кивала, восторгалась, но в глубине души недоумевала: откуда у нее деньги? Конечно, здание не такое большое и шикарное, как наше, но все же, думается, тысяч сто долларов оно стоит. Впрочем, возведенные по так называемой канадской технологии дома получаются недорогими.

– И еще оно мне встало всего в восемьдесят тысяч баксов, – завершила рассказ Нина, – потому что «Инком» скидку сделал, они себе такое могут позволить, крупная компания, не плевков какой-то.

– Где же ты их взяла? – не вытерпела я.

– Кредит оформила в банке, под залог квартиры, – захихикала Нинка, – в долг поставила домишко, расплачусь как-нибудь! А еще мы с этой Ладой на цветах сошлись, она их тоже обожает! Пошли, покажу невиданную вещь – розовые ландыши!

– У Вики Столяровой тоже весь участок в растениях, – я решила начать нужный разговор.

Нинка нахмурилась:

– Там сад, наверное, с гектар, у меня же все скромное, маленькое.

– Небось зарастет сорняками, пока Вика в тюрьме.

– Да уж, – поджала губы Нинка, – за десять лет крапива и лопухи забьют цветочки.

– Почему десять лет?

– А сколько за убийство дают? Уж не меньше, а то и пожизненное вломят, – скривилась Нинка, – и потом, не видать ей особнячка с садом, если живой на волю выйдет. Убийца не может наследовать имущество убитого им человека. Отжилась Викуля за городом, отвалилась на ортопедических матрасах,

пожалуйте на нары!

Откровенное злорадство Нинки покорило меня, и я напрямую поинтересовалась:

– Правда, что у нее имелся любовник?

– Ага, – кивнула Нинка, – Серега Прокофьев, я отлично его знала. Нормальный мужик. Жалко мне их было!

– Тебе? Жалко?

– Ну да, – понеслась она, размахивая руками, – Вика-то убогая, старая дева, сохла на корню. А у Сереги жена была – чистый Квазимодо.

– Такая страшная внешне?

– Не, снаружи ничего, только пила она сильно, потом заболела, бросила, принялась Серегу изводить. Он прямо весь исхудал, ну а вскоре с Викой познакомился, и все. Я им ключи от дачи давала, не веришь?

– Ну... в общем... насколько я знаю, ты не очень любишь посторонних в доме.

– Терпеть не могу, – подтвердила Супровкина.

– Тогда почему Вике помогала?

Нинка замолчала, потом нехотя сказала:

– Они мне платили за дачку тысячу баксов в месяц.

– Так много? – изумилась я.

– Ну... пять сотен за постой, а остальное за молчание. Сережка не хотел, чтобы жена узнала.

– Почему, если та алкоголичка?

– Светка зашилась. Она бизнесом ворочала, хорошо зарабатывала, – пустилась в объяснения Нина, – содержала и себя, и Сережку. Он отличный мужик, но пентюх, сидит в своем НИИ за медные копейки и доволен. Светка бы никакой любовницы не потерпела, вытурила бы парня мигом, и все. Куда ему идти?

– Так к Вике.

– А у той мама, история-то много лет тянулась. Сама знаешь, какая Галина Ивановна была, она бы Серегу не приняла ни за что!

– Сколько же лет их отношениям?

– Ну, не помню, восемь, девять.

– И все это время они платили по тысяче долларов в месяц?!

– Сначала меньше, потом накинули.

– И ты никому ни гугу?

– Я могила. – Она гордо стукнула себя в грудь кулаком. – Это только кажется, что люблю поболтать, но, если надо, ни за что не проговорюсь.

Я вздохнула. Как ни странно, но приходится признать, что это правда.

– Ну а потом они поругались, – продолжала Супровкина, – видно, надоело Вике по щелям прятаться, захотелось Серегу целиком получить.

Это верно. Женщина, связавшая свою судьбу с женатым мужчиной, рано или поздно начинает испытывать дискомфорт. Хочется, чтобы любовник не смотрел постоянно на часы и не уезжал вечером домой. Я никогда не охотилась на чужих мужей, считаю такое поведение подлостью, но очень хорошо понимаю, как любовницу должен злить звонок мобильного и возлюбленный, бодро восклицающий: «Все, все, уже заканчиваю работу, грей ужин, дорогая».

А еще, наверное, мучает ревность. Конечно, кавалер уверяет, что давно не спит с женой, переехал ночевать на диван в гостиной, но проверить-то это никак нельзя!

И праздники не твои, и отпуск, и субботы с воскресеньями.

В общем, большинство любовниц не выдерживают и ставят вопрос ребром: «Или я, или она!»

Ох, милые мои, не советую вам заострять проблему, потому что мужчины, несмотря на то, что регулярно при вас кляли опостылевшую, толстую, сварливую, истеричную, глупую супругу, отчего-то в таком случае мгновенно бросают молодую, красивую, стройную, умную, роскошную любовницу и пугливо трусят в привычное семейное стойло. Мой вам совет: если в течение полугода любовник не принял кардинального решения, не развелся с женой и не предложил вам руку и сердце, как бы ни было больно, опустите острый топор на нить ваших отношений. Практика показывает, что после года тайной любви шанса на трансформацию из любовницы в законную жену у вас попросту нет. Рискуете зря потратить долгие годы и состариться у разбитого корыта.

Вот Вика классический пример такой ошибки. Несколько лет проводила время с любовником, а потом разозлилась и заявила: «Пора, наконец, тебе сделать выбор».

И Сергей выбрал Светлану, законную супругу, обеспеченную женщину, а не нищую Вику. Прокофьева можно понять: с женой у него не было никаких материальных проблем, а Вику нужно содержать.

Узнав о коварстве любовника, Вика впала в депрессию, и тут судьба подкинула ей Андрея. Решив, что одним махом убьет двух зайцев: станет женой обеспеченного человека и отомстит Сергею, Вика пошла в загс. Но фортуна решила пошутить со Столяровой. Не прошло и нескольких месяцев после того, как она хозяйкой воцарилась в особняке на Ново-Рижской трассе, и Светлана умерла от инфаркта. Сергей мигом вспомнил про любовницу, страсть вспыхнула с новой силой, и Вика решила разрубить гордиев узел.

– Ты хорошо знаешь этого Сергея?

Нинка кивнула:

– Ага.

– Откуда?

– Он мой сосед, в одном доме живем, я – на пятом, Серега – на восьмом. Да что мы все о ерунде толкуем, – рассердилась Нинка, – пошли на ландыши смотреть!

Я провела у нее еще часа два, попила чаю, повосторгалась цветами и, уже уходя, не вытерпела:

– Нина, зачем же ты рассказала об этой истории в милиции? Ведь именно из-за тебя Вику арестовали!

Глаза Супровкиной превратились в щелочки, губы сжались, потом она отчеканила:

– Я никогда не стану покрывать убийцу, даже если когда-то считала ее своей доброй знакомой! Нет, преступник должен понести наказание. Кстати, если бы все придерживались этой позиции, в нашей стране наблюдалась бы иная криминальная картина.

Глава 7

Не знаю почему, но всякий раз, уходя от Супровкиной, мне хочется принять душ и тщательно помыться с мылом и мочалкой.

Я вскочила в «Пежо», выехала на Минское шоссе и понеслась в сторону Москвы. Пока все плохо, все просто ужасно, но сдаваться рано. Теперь очередь покалякать с этим Сергеем Прокофьевым, об истинном положении вещей следует узнавать из первых рук.

Дом Супровкиной находится в двух шагах от метро «Белорусская», на Лесной улице. Шумное, грязное, некомфортное место. Рядом грохочет и воняет бензиновыми парами никогда не засыпающая Тверская, да еще прибавьте к ней площадь Белорусского вокзала, вечно забитую машинами, пьяными бомжами и растерянными приезжими, постоянную пробку на Брестской улице и ломовые цены в магазинах. Впрочем, купить продукты в центре Москвы огромная проблема: здесь открыты лишь бутики, набитые шмотками и обувью. Понятно теперь, отчего Супровкина сбежала жить за город.

Я вошла в знакомый подъезд, доехала до восьмого этажа и ткнула пальцем в звонок одной из квартир.

– Вам кого? – пропищал тоненький детский голосок.

– Сергея Прокофьева.

– Вы ошиблись, – вежливо ответил ребенок, – дядя Сережа в соседней живет, в сто двадцатой.

Я переместилась к другой двери, по ее внешнему виду и не скажешь, что за ней обитала хорошо зарабатывающая женщина. Простая деревянная филенка, не менявшаяся с момента постройки здания, а возвели его, похоже, в конце пятидесятих годов прошлого века.

Звонок хрипло тренькал, но никто не спешил на зов, очевидно, Сергей был на работе. Я посмотрела на часы – пять. Наверное, к восьми явится, надо где-то с пользой провести время. Итак, куда податься?

Поразмыслив немного, я решила просто пошляться по магазинам, благо их в этом районе немереное количество.

Оставив «Пежо» во дворе, я вышла на Тверскую и увидела маленькую лавчонку, забитую шмотками.

Ноги внесли меня в крохотный зал. Честно говоря, я слегка удивилась. Кронштейны с одеждой тут тянулись не только по бокам, но и посередине помещения, каждая вещичка была аккуратнейшим образом упакована в

прозрачный пакет, сверху болтались ценники. Продавщица сидела за столом, прямо у входа. Обычно это место занимают охранники.

Отложив в сторону книгу, девушка улыбнулась мне, я ей. Я ожидала, что сейчас она спросит: чем могу помочь? Но она лишь вопросительно смотрела на меня, наконец, когда пауза стала томительной, девица коротко сказала:

– Давайте.

Удивленная ее поведением, я решила все же не показывать этого.

– Хочу посмотреть вещи.

– Сейчас принесу, давайте.

– Но лучше я сама!

– Ни в коем случае, что у вас?

Я вгляделась в ряды с вешалками, глаз выхватил нечто нежно-розовое.

– Вон там висит, такой розовенький.

Девица встала, прошла вдоль ряда, выдернула вешалку и швырнула передо мной пакет. Я посмотрела на ценник: «Пиджак летний, производство Германии, 29375».

Ну и цены тут у них! Пиджачок-то совершенно непрезентабельный, ничего из себя не представляющий, а стоит около тысячи баксов! Ну и ну!

– Другого нет?

– Чего? – вытаращилась девица.

– Этот пиджак мне не нравится, покажите вон тот, зеленый.

– Офигеть можно, – хлопнула себя руками по бокам торговка, – ну народ, на всю голову больной прямо!

– Почему вы мне грубите?

– А чего ты идиотничаешь? То розовый пиджак ей, то зеленый! А ну, давай! Какой номер?

Волна возмущения накрыла меня с головой. Между прочим, сейчас не прежние времена, чтобы хамить покупателям!

– Позовите хозяина!

– Ага! Совсем того, да? Я здесь одна.

– Дайте жалобную книгу.

– Вали отсюда.

– А вот не уйду, покажите зеленый пиджак.

– Катись вон, идиотка! Ты что, из психушки сбежала? – завизжала девица.

Я открыла было рот, чтобы дать достойный отпор хамке, но тут дверь распахнулась, и вошла женщина примерно моих лет с большой сумкой в руках.

– Привет, Катюша, – пропела она, – меня Галина Сергеевна за брюками прислала, только не говори, что их нет, хозяйка убьет!

– Хорошо, Лена, что ты пришла, – оживилась наглая девица, – покарауль вещи, а я побегу в милицию звонить.

– Что случилось? – напряглась Лена.

Катя ткнула в мою сторону пальцем, который заканчивался длинным, загибающимся книзу, интенсивно зеленым ногтем.

– Вот, хулиганка!

– Сама вы хамка, – парировала я, – вызывайте милицию, специально не уйду и расскажу, как вы обращаетесь с клиентами, да вас к прилавку на пушечный выстрел подпускать нельзя.

– Да что произошло? – вопрошала Лена.

Я повернулась к покупательнице:

– Пришла в эту лавку с несуразными ценами, хотела посмотреть пиджаки. Глянула на розовый, он мне не понравился, попросила зеленый, а эта Катя не показывает и обзывается.

– Вы хотели приобрести здесь пиджак? – в один голос воскликнули Катя с Леной.

– Нет, – окончательно обозлилась я, – напрокат взять! Естественно, купить, хотя местные цены отвратительны, так же как и продавщица. Почти тысяча баксов за розовую тряпку сомнительного производства!

Катя рухнула на стул и принялась хохотать, как безумная.

– Это не цена, – давась от смеха, еле выговорила она.

– А что? – растерялась я.

– Номер квитанции. Здесь не бутик, а химчистка.

Я обомлела:

– Химчистка?

Катя вытерла глаза платком:

– Ага.

– Простите, – пролепетала я.

– Ничего, – весело ответила девчонка.

– Я обозвала вас хамкой!

– Ерунда, я посчитала вас психопаткой.

– Извините, – переживала я.

– Бывает!

Я быстро повернулась и пошла вон, широкая стеклянная дверь выпустила меня на крылечко, далее шли четыре ступеньки, прикрытые зеленым ковриком. Стараясь побыстрее оказаться подальше от химчистки, я побежала было вниз, зацепилась за загнувшийся край дорожки и рухнула. Сила тяжести протащила меня до тротуара, я скатилась на грязный асфальт и сшибла мужчину с пакетом. Он замахал руками, не удержался и шлепнулся рядом, из его кулька выпала стеклянная бутылка подсолнечного масла, вмиг превратившаяся в грудку осколков и скользкую лужицу.

– Вот, блин! – заорал прохожий, собираясь встать.

Я тоже попыталась сгрести ноги в кучу, но не тут-то было, неведь откуда появилась девушка в одежде, больше смахивающей на широкий пояс, чем на юбку. Ноги ее, длинные, стройные, обутые в красивые белые босоножки на невероятно тонкой шпильке, наступили в масло. В ту же секунду несчастная свалилась по левую руку от мужика. Юбочка сползла ей буквально на шею, обнажились крохотные трусики-стринги. Голая попка засверкала под солнцем.

Упавший мужик уставился на обнаженную филейную часть с выражением радостного восторга. Девушка завизжала, ее сумочка отлетела к шоссе.

С дороги послышался свист, я подняла голову и увидела, что около нас притормозил джип «Лексус», за рулем которого сидит парень лет тридцати.

– Эй, кукла, – завопил он, – ножки-то у тебя класс!..

Договорить фразу он не успел, потому что в багажник его внедорожника со всего размаху влетел «Мерседес», водитель которого тоже загляделся на полуголую девчонку.

От удара «Лексус» подался вперед и покатился прямо на расположенную тут же остановку. Человек шесть пешеходов, мирно поджидавших троллейбус, завизжали и кинулись врассыпную. Отчего-то большая часть перепуганных людей бросилась в нашу сторону, естественно, все они, споткнувшись кто о дядьку, кто о девицу, а кто об меня, рухнули на тротуар. Последней обрушилась толстуха в цветастом сарафане с сумкой с клубникой. Через секунду все вокруг было усеяно давленными ягодами.

«Лексус» влетел на остановку и протаранил стеклянную стену навеса. Послышался громкий звук «бах», и водопад осколков рухнул наземь. Движение на Тверской остановилось в обе стороны.

– Чеченцы! – заорал кто-то. – Взорвали! Вон, глядите! Машины покореженные, и люди в крови валяются! Помогите! Вызывайте скорей МЧС!

Мгновенно скопилась толпа. Несчастные, свалившиеся на тротуар, пытались встать. Водитель «Лексуса» безостановочно матерился, шофер «Мерседеса» тоже загибал такие коленца, что впору было записывать. Девушка рыдала, дядька, перемазанный подсолнечным маслом, охал, толстуха причитала, остальные орали что-то невразумительное.

Наконец все кое-как встали на ноги, и тут, воя сиреной и сверкая мигалками, словно черти в ступе, появились милиция, «Скорая помощь» и микроавтобус с надписью «Дежурная часть».

– Всем оставаться на местах! – загремело из громкоговорителя.

Несколько милиционеров выскочили на тротуар и ловко оцепили место происшествия красно-белой лентой.

– Тяжелораненые есть? – вопрошал доктор.

Народ поплелся к врачу показывать ушибы. Я, тихо радуясь, что в общей суматохе непонятно, кто вызвал переполох, попыталась удрать, но не тут-то было. В плечо вцепились крепкие пальцы, перед носом оказался микрофон.

– Несколько слов для телевидения, – потребовал корреспондент.

– Не надо, – пискнула я, но парень уже подволок меня к камере и затарахтел:

– Мы находимся на Тверской, где только что произошел террористический акт. Около меня свидетельница случившегося... э...

– Даша, – обреченно сказала я, – Дарья Васильева.

– Расскажите нам подробности.

– Ну... Шла и упала, больше ничего.

– Вы слышали взрыв?

– Нет.

– Вас оглушило ударной волной?

– Ну... э... не совсем, я просто упала, понимаете...

Я хотела было сказать, что никакого взрыва не было, но журналист прервал меня.

– Ведь это ужасно, что простой человек, коренной москвич, должен теперь пробираться по родному городу в бронежилете и каске, не так ли?

– Ну... в общем, вы правы, – осторожно согласилась я, – в бронежилете и каске очень неудобно, да и жарко небось.

Корреспондент потерял ко мне всякий интерес. Он повернулся лицом к объективу и затараторил:

– Мы ведем прямой репортаж с Тверской, где только что произошел террористический акт. Вокруг меня кровь и раненые люди. Кто виноват в том, что Москва стала небезопасной...

– Это клубника. – Я попыталась внести ясность.

Но парень с микрофоном не обратил на меня никакого внимания, он разливался соловьем, страшно довольный собой.

– ...отчего простому человеку стало не выйти на улицу. Почему Лужков...

– Это клубника валяется, – я снова решила остановить его, – раздавленная, издали и правда на кровь похоже.

Чья-то рука выпихнула меня из кадра.

– Ступайте к доктору, – велела девчонка в джинсах и в майке с надписью «Телевидение».

– Но на тротуаре не кровь, а ягоды.

– Идите, идите, вам нальют успокоительное.

Поняв, что ситуация теперь развивается без моего участия, я бочком прошмыгнула в подземный переход, перешла на другую сторону Тверской и оказалась в центре нервно гудящей толпы, живо обсуждающей происшествие.

– Чеченцы, сволочи!

– Ща еще как бабахнет!

– Не, это ФСБ подстроило, чтобы всех кавказцев из Москвы выселить.

– Фу, ерунда, Лужков придумал, очки перед выборами собирает.

– Чего чушь несете! Обещал же Басаев всем тут смерть и своих предупредил: бегите из Москвы, пока живы!

Я молча оглядела пейзаж: окончательный паралич Тверской, поток машин стоит как в сторону Кремля, так и в направлении Ленинградского проспекта, разбитый павильончик троллейбусной остановки, покореженный «Лексус» и смятый «Мерседес», перемазанные маслом и клубникой люди, кстати, издали они и впрямь смахивали на окровавленных жертв взрыва, суется милиционеры, бодро снующие журналисты... Вот прибыл еще один микроавтобус, набитый камерами, промчался по тротуару и замер у входа в химчистку, куда в недобрый час забрела Дашутка, устроившая весь переполох. Интересно, что скажет милиция, когда, наконец, поймет, в чем дело? Может, пойти, отыскать главного и постараться объяснить ему суть произошедшего?

В ту же секунду я испугалась и изгнала глупую мысль из головы: меня небось арестуют. Хотя я, ей-богу, ни в чем не виновата, просто шлепнулась, остальное произошло само собой! Да уж, сходила, полюбовалась на шмотки! И что самое интересное, лично на меня не упало ни одной капли масла и ни одной клубнички.

Глава 8

Встряхнувшись так, как это делает Хучик, когда вылезает из ванной, я пошла по Лесной улице. Нет уж, больше не стану развлекать себя походами по бутикам, сегодня не мой день, лучше найду маленькое уютное кафе, желательно с деревянной посудой, чтобы чашка с чаем, которую я уроню на пол, не разбилась, посижу там...

И вдруг глаза натолкнулись на вывеску «Юридическая консультация». Я пришла в полный восторг, на ловца и зверь бежит!

Дверь в помещение, где роились адвокаты, оказалась каменно-тяжелой. Я изо всех сил тянула ее на себя, потом крепче уперлась ногами, дернула ручку, раз, другой, третий, вспотела, но не добилась результата. Устав, я уставилась на створку. Может, она заперта? Маловероятно, слева висит табличка «Мы работаем круглосуточно, чтобы вытащить вас из беды», ниже – наклейка со

словом «Толкай». Кто такой Толкай? Хозяин консультации? Ведущий адвокат?

Я снова потянула дверь и в ту же секунду сообразила! Толкай! Ее следовало открывать не на себя, а совсем даже наоборот.

Обозлившись на собственную непонятливость, я изо всей силы пнула преграду ногой. Дверь легко, словно она сделана из картона, распахнулась, я влетела в темную прихожую. Удерживаемая сильной пружиной створка понеслась назад, чуть зазеваешься на пороге, и она даст тебе в лоб. Я шарахнулась к стене и незамедлительно сшибла деревянную вешалку, сиротливо стоявшую в углу.

Та стала падать прямо на стеклянный журнальный столик, где кучей громоздились газеты. Очевидно, это помещение предназначалось для клиентов, которые должны ожидать своей очереди к адвокату. Но сейчас в холле никого не было. Я ухитрилась поймать вешалку и без особых потерь поставить ее на место. Потом, глянув в большое зеркало, попыталась привести в порядок торчащие дыбом волосы. Ей-богу, сегодня звезды встали не в ту позицию. Может, бросить машину на стоянке и пойти домой пешком?

Слегка успокоившись, я вошла в зал и увидела двух мужчин, сидевших в противоположных его концах. Один, пожилой, седой, похожий на старый трухлявый гриб мухомор, спокойно читал газету; другой, молодой, по виду чуть старше Мани, пялился в компьютер.

– Здравствуйте, – кашлянула я.

Парочка обратила взоры на меня.

– Я нуждаюсь в адвокате, кто из вас свободен?

– Я, – хором ответили юристы.

Повисло молчание, потом «мухомор» просипел:

– Выбирайте, кто вам больше по вкусу, чему вы доверяете: опыту, уверенности или молодой глупой бесшабашности?

Я замерла, изучая «ассортимент». Честно говоря, мне не нравился ни один из предлагаемых вариантов. «Гриб» слишком старый, дышит с трудом, и с голосом у него беда, похоже, совсем связки от старости истерлись. А молодой небось ничего не умеет. Да, не зря они тут сидят вдвоем, остальные их коллеги, приличные адвокаты, занимаются сейчас делом.

– Так я вас слушаю, – прокашлял старик, – идите сюда!

Парнишка сердито сверкнул глазами и опять впился взглядом в монитор.

– Что у вас? – настаивал божий одуванчик. – Спор о наследстве? Развод? Все могу, без проблем, лучше меня нет!

Ага, именно эту фразу «мы лучшие» слышу каждый день из радиоприемника, таким образом «Русское радио» нахваливает себя. Но я очень хорошо помню, как один раз поехала по делам в местечко под Коломной и с огромным удивлением обнаружила, что на расстоянии пятидесяти километров от Москвы «Русское радио» исчезло из моей автомагнитолы. Вот вам и лучше! Нельзя доверять тому, кто бахвалится!

Решительным шагом я приблизилась к парнишке, села около его стола на стул и спросила:

– Тебя как зовут?

– Дима, – растерянно ответил тот и тут же поправился: – Дмитрий Павлович.

– Диплом имеешь?

– Могу показать, – оскорбился «зеленый» адвокат.

– Не надо, – улыбнулась я, – что заканчивал?

– Юрфак МГУ.

– Хорошо, – кивнула я, – нанимаю тебя защитником, речь идет об убийстве.

– Ошибку делаете, милейшая, – проскрипел «гриб», – опыт – это главное!

Но я пропустила мимо ушей брюзжание старичка. Лично мне комфортней иметь дело с молодым парнем, чем с шатающимся от слабости дедулькой.

Целый час мы с Димой обсуждали дело, потом он выписал мне квитанцию и сказал:

– Вам скидка, как моему первому клиенту.

Я улыбнулась:

– Говорят, я приношу удачу, вот увидишь, после меня клиенты к тебе толпой пойдут!

Дима хихикнул, я встала, запуталась ногой в свисающем с его стола шнуре, пошатнулась и упала в проходе. Мне на спину шлепнулся телефонный аппарат.

– Не разбился?! – воскликнул Дима.

– Вроде нет, – ответила я, кряхтя и пытаюсь встать на ноги, – отлично себя чувствую.

– Я про телефон, – радовался паренек, – целехонек!

«Гриб» зашелся в кашле.

– Ну-ну, – прохрипел он, – ну-ну, спаси господь вашего клиента.

– Вы бы, Альберт Валентинович, лучше вспомнили, как утопили Каранышева, которого судили за мошенничество в особо крупных, – дрожащим голосом отбивался Дмитрий Павлович, – прокурор потребовал шесть лет, а после вашей замечательной речи мужику десятку вломили, такое вы впечатление на судью произвели!

«Мухомор» побагровел и стал издавать такие жуткие звуки, то ли крик, то ли кашель, что я вылетела в ужасе в коридор. Не хватало только стать свидетельницей его кончины на рабочем месте!

Решив больше сегодня не испытывать судьбу, я пошла к Прокофьеву и принялась звонить в дверь.

– Кто там? – пропищали изнутри.

– Сергей дома?

– Какой?

Вопрос меня слегка удивил.

– Прокофьев! А что, их тут несколько?

– Нет, – гремя замками, ответил кто-то, – для порядка интересуюсь!

Дверь распахнулась, перед глазами открылся длинный коридор, увешанный тазами. На пороге стояла крохотная бабулька, обутая, несмотря на теплый июнь, в валеночки.

– Чего тебе, деточка? – тоненьким голосочком осведомилась она.

И тут до меня дошло, квартира-то коммунальная!

– Мне нужен Сергей Прокофьев.

Бабуся поморгала выцветшими глазками:

– А ну пошли ко мне.

Мы протиснулись в довольно просторную комнату, обставленную допотопной мебелью.

– Садись-ка, – велела старушка, – рассказывай про себя все, без утайки, муж есть? Пьяница?

– Нет, – обалдело ответила я.

– А дети?

– Двое.

– Эхма, – вздохнула старушонка, – надеюсь, собак не держишь?

– Пять их у меня, еще две кошки, хомяки, жаба... Да в чем дело? Какая вам разница, кто у меня живет?

– Ишь ты, – обозлилась бабуса, – когда сюда въедешь и в соседках окажешься, поздно будет локти кусать. Хватит с меня, и так всю жизнь с алкоголиками прожила, имею право хоть на старости лет спокойно деньки скоротать, а тут ты с зоопарком!

– Так вы решили, что я здесь комнату купить хочу!

– Ну да, Серега свои хоромы продает, у него две залы, и у меня тут одна. Деньгами где-то разжился и решил отдельно жить. Прямо удивительно, откуда только средства взял!

– Ну жена умерла, наверное, ее бизнес продал!

Старушонка визгливо рассмеялась:

– Кто бизнес продал?

– Сергей!

– Чей?

– Так Светы, жены своей покойной.

– Хи-хи-хи, – развеселилась бабуська, – бизнес! У Светки! Ну уморила, пьяница она была, алкоголичка запойная, бутылки у вокзала собирала, вот и весь ее доход. Да сколько раз она ко мне приходила и ныла: «Зинаида Власьевна, дайте десяточку. Серега получку принесет, тогда и верну!» Я-то сначала кошелек расстегивала, а потом перестала, никогда она долги не возвращала!

– А мне говорили, что Светлана зашилась!

– Нет, так и умерла. Выпила на улице и в сугробе заснула, а ведь и не такая старая была.

– Вот бедняга!

– Так ей и надо, – отмахнулась Зинаида Власьевна, – какой толк от пьяницы! Хорошо, детей не настрогала, а то вот у нас, в семьдесят второй, Ныкины проживают, глушат водку, а ребятки оборванные да голодные шляются. Старший тоже к рюмашке прикладываться стал. Вчера иду из магазина, а он мне навстречу, бредет, спотыкается, это в тринадцать-то лет!

– Что же Сергей жену не лечил?

– Сам хорош, – отмахнулась старушка, – тоже употребляет, но правда, не до такой степени, как Светка, он все-таки из приличной семьи. Работает нормально, чего-то изучает, объяснял мне, а я забыла!

Тут из коридора послышался грохот.

– О, – оживилась Зинаида Власьевна, – Сергей пришел, он всегда таз роняет! Эй, Сережа, иди сюда, покупательница заявила!

В комнату заглянул худой дядечка с болезненно-бледным лицом.

– Вы по поводу жилья?

Я кивнула.

– Тогда пошли ко мне, – оживился Сергей.

Мы оказались в коридоре, а потом в просторном помещении с огромными окнами.

– У меня тут две комнаты, – словоохотливо принялся объяснять дядька, – все просторные, по двадцать метров, окна во двор, шума никакого. Соседка одна, да она на ладан дышит, помрет – вся квартирка вашей будет.

– Что же вы съезжаете? – медленно спросила я.

– Центр надоел, – быстро ответил Сергей, – он для богатых людей, тут цены чудовищные. Я в Марьино собрался или в Братеево.

– И вы с женой вдвоем жили в этих комнатах? – удивилась я.

– Так раньше здесь куча народа была, – охотно пояснил Сергей, – отец, мать, два моих брата, бабушка с дедом, тетка с дядькой. На головах друг у друга сидели, а потом умирать начали, один я и остался, словно перст, никого вокруг.

И он уныло уставился в грязное окно. Я внимательно разглядывала мужика. Грязные редкие волосы прилипли к яйцеобразному черепу, длинный нос свисает почти до подбородка, маленькие, близко посаженные глазки мечутся под неожиданно широкими бровями, узкие губы кривит ухмылка, плечи покрыты перхотью, костюм заношенный, грязный, и пахнет от Ромео немытым телом.

Перед глазами встал Андрюшка: красивый, статный, великолепно одетый, благоухающий дорогим одеколоном, веселый, с белозубой улыбкой, богатый.

И Вика решила бросить такого мужа, чтобы соединить свою судьбу с этим обмылком? Ну, простите, в это я не поверю никогда!

– А жена ваша где? – Я решила начать издалека.

– Умерла, царствие ей небесное, – широко перекрестился Сергей, – пила очень, вот до пятидесяти и не дожила.

– Значит, она не была удачливой бизнес-леди?

– Кто? – вскинул вверх брови Сергей.

– Ну ваша супруга, Светлана.

Прокофьев хмыкнул:

– Бизнес-леди! Алкоголичка горькая, побирушка. Похоронить не на что было и не в чем, спасибо Зинаида Власьевна чистое платье дала, а то бы пришлось в грязной куртке в гроб класть!

Что же ты, милый человек, не заработал несчастной на саван, чуть было не спросила я. Сергей, словно услышав мой невысказанный вопрос, слегка порозовел и стал оправдываться:

– Я-то в НИИ сижу, зарплаты еле-еле хватает на макароны, да еще Светка все пропивала.

– Надо же, – покачала я головой, – а мне вот рассказывали, будто она жутко богатая, вас содержала.

– Чего только люди не придумают, – вздохнул Прокофьев, – кто ж наврал такое?

– А Нина Супровкина.

Сергей быстро глянул на меня:

– Я такую не знаю.

– Ну как же, – заулыбалась я, – она хозяйка дачи, где вы много лет весело проводили время с Викторией Столяровой, да и живете вы в одном подъезде.

Прокофьев попятился.

– А, точно, забыл, что она Супровкина. А вы кто?

– Частный детектив.

– Кто? – обомлел дядька и забежал по мне противными крысиными глазками.

– Частный детектив, – повторила я, – такой человек, который, не жалея себя и не считаясь со временем, копается в навозе, дабы отрыть жемчужины истины.

Сергей сел и устало сказал:

– Простите, не понимаю.

Преодолевая брезгливость, я осторожно устроилась на краешке стула с засаленным сиденьем и резко спросила:

– Вы знаете, что Вика в тюрьме?

– Да.

– Вас вызывали на допрос?

– Да.

– И что вы рассказали?

– Правду.

– Какую?

Неожиданно Сергей прижал к груди кулаки и зачастил:

– А что делать было? Да, встречались, но потом разошлись, я с женой решил остаться.

– С алкоголичкой? С пьяницей?

– Любил я ее, поймите, любил!

– И ходил к Вике на свидания?

Над верхней губой Сергея выступила цепочка мелких капель.

– Я же мужчина, – сообщил он.

– И что?

– Мне нужна женщина, – заявил обмылок, – а Светлана, увы, совсем ни на что не была годна. Вот так и жили, Вика для тела, жена для души. Тянулось все это, тянулось, а потом и разорвалось, я остался со Светкой, а Вика назло мне замуж выскочила, за богатого. Ну а после жена померла, я Вике-то и позвонил. Она, конечно, с радостью снова встречаться стала. Только я в убийстве ее мужа не участвовал, это она сама придумала.

Мне стало противно, но до истины докопаться надо.

– И вы платили Нине Супровкиной по тысяче долларов в месяц за дачу? Откуда деньги-то взяли?

– Я? Что вы! Мне такую сумму и за год не заработать!

– Но на дачу вы ездили?

– Да, довольно часто, раз в неделю точно! Так себе домик, на один бочок скособоченный, да и от электрички далеко, только надо же было где-то устроиться. Вика сказала, что ее подруга бесплатно пускает.

Я принялась рыться в сумке, отыскивая сигареты. От этого мужика так воняет, что единственный способ избавиться от тошноты – воспользоваться «Голуазом».

– Значит, дачу Нина предоставила вам бесплатно?

– Ага, – кивнул Сергей, – кто бы мог подумать, что так получится, страсть господняя. Ну зачем Вика пошла на преступление! Теперь ведь посадят!

– С вашей легкой руки, – рявкнула я.

– И чего, – прищурился Прокофьев, – мне, по-вашему, следовало соврать? Сказать, что знать не знаю Вику?

Когда я выскочила из пропахшей потом берлоги на улицу, воздух Тверской, наполненный бензиновым смогом, показался мне упоительным. Нет, что-то здесь не так! Я все-таки достаточно хорошо знаю Вику, она не могла иметь никаких дел с этой потной жабой! Да от него на расстоянии ста метров противно сидеть, не то что... ну, сами понимаете, о чем я толкую!

И потом, Нинка говорила одно, Сергей другое, кому верить? Ладно, сейчас нужно катить домой, а завтра с утра я вновь отправлюсь к Нинке, поговорю с ней по-другому, похоже, она наврала мне с три короба!

В Ложкино я прилетела голодная, злая и обнаружила, что моя ванная превращена в парикмахерский салон. Повсюду были расставлены бутылочки с шампунями и валялись пустые тюбики из-под краски. Маруська, укутанная в полотенце, сидела на моей кровати, поджав ноги, голова ее была похожа на шлем инопланетянина, волосы прослоены фольгой, и из них торчало нечто, похожее на спицы.

– И чего вы у меня устроились? – устало спросила я, стягивая льняные брючки.

– А где? – пожала плечами Маня.

– Внизу, в гостиной.

– Ну, не знаю, – протянула девочка, – Зайка тут решила, сейчас Ирка все уберет.

Не успела Маня закрыть рот, как в спальню ворвалась домработница. Я ойкнула, голова ее была выкрашена в цвет взбесившегося баклажана, пряди стояли под углом в девяносто градусов и были какие-то ребристые, странные, словно изломанные. Ирка из вполне симпатичной особы превратилась в персонаж

фильма «Звездные войны».

– Ну как? – радостно воскликнула она. – Впечатляет?

– Просто слов нет, – проямлила я, но оказалось, что основное испытание ждет меня впереди.

В комнату, словно торнадо, влетела Зайка. Я онемела. Ее белокурые прядки, еще сегодня утром красиво подстриженные, прикрывающие маленькие ушки и точеную шею, сейчас приобрели цвет, вернее, оттенок, нет, цвет... Простите, никак не могу подобрать слова. Видели ли вы когда-нибудь перья павлина? Если да, то можете представить, что творилось у Ольги на башке. Во-первых, она постриглась самым идиотским образом: на макушке «ежик», по бокам более длинные прядки, на лоб падает асимметричная челка, прикрывающая левый глаз. Но даже эта стрижка была бы вполне приемлема, если бы не колер. Каждая волосинка у корня была нежно-розовой, потом делалась красной, бордовой, лиловой и темно-синей.

Я в ужасе повернулась к Мане.

– Ты тоже такой станешь?

– Нет, – бодро воскликнула она, – у меня основной тон зеленый!

– Классно вышло, – удовлетворенно заявила Зайка, щупая свою макушку, – завтра съемочную бригаду столбняк хватит. Пошли ужинать.

В столовой уже сидел Кеша, слава богу, его волосы выглядели привычно.

– Слышь, Зая, – сказал наш адвокат, – ты на ночь свет-то не выключай.

– Почему? – спросила женушка, кладя себе на тарелку половинку отварной морковки и три зеленые горошинки.

– Кровать у окна стоит, – меланхолично пояснил Аркадий, – луна сейчас ярко светит, проснусь ненароком, увижу тебя и испугаюсь.

– Дурак, – прошипела Зайка.

– Да и не один я за сердце схвачусь, – как ни в чем не бывало вещал Кеша, – любой забьется в припадке!

– А вот и нет! – рявкнула Ольга.

Тут в столовую с двумя бутылками пива в руках вдвинулся Александр Михайлович. Он на секунду замер на пороге, потом уронил «Гинес» и взвизгнул:

– Елки-палки! Это что такое!

– Говорил же, – ухмыльнулся Кеша.

Дегтярев перекрестился.

– Оля! Бог мой! Ну и прическа!

– Молчи, – процедила Зайка, – ничего не понимаешь!

Но полковник все никак не мог успокоиться.

– Ира! А у тебя! Мама родная! Ты лохмы в вафельницу засовывала?

Домработница скорчила гримаску:

– Ну, Александр Михайлович! Вы же совсем в моде не разбираетесь. Теперь мне осколки собирать! Ну отчего бутылки-то уронили?

– От восторга, – захихикал Кеша.

Зайка треснула мужа по затылку и ушла. Маня, прихватив пару пирожков, кинулась за ней. Ирка, ворча, подбирала то, что осталось от пивных бутылок. Одна Маргоша преспокойно сидела над полной тарелкой. Я посмотрела на ее ужин и ахнула: четыре котлеты, гора макарон с куском сливочного масла, граммов сто, не меньше, полбатона и тазик с салатом оливье, щедро

сдобренным майонезом.

Я схватила всю эту красоту, переставила на буфет и спросила:

– Ты похудеть решила?

– Да, – грустно ответила Маргоша, – только очень уж кушать хочется!

– Терпи, это потом пройдет!

– Не могу, умираю прямо.

– Тебе до голодной смерти с таким весом далеко.

– Ой, тяжело, – заныла она, – силы воли у меня нету, может, закодироваться? Говорят, помогает!

Я встала.

– Ты куда? – спросила Марго.

– За телефонной книжкой, – вздохнула я, – позвоню Соне Балуевой, она от ожирения кодировалась, двадцать кило потеряла. Узнаю адрес, и завтра поедем.

Глава 9

Утром я строго-настроено велела Марго:

– Не смей ничего есть до трех часов дня.

– Почему? – вскинулась та.

– Кодироваться поедом, в академию космоэнергетики, к профессору Попову Федору Евгеньевичу, Соня Балужева телефон дала, я тебя записала. Прием ровно в пятнадцать ноль-ноль, но приходить надо на голодный желудок.

– Ничего нельзя? – заскулила Марго.

– Нет!

– Даже йогурт? Правда, я их не ем.

– Зачем тогда спрашиваешь?

– Ну... интересно.

– Ничего, – отрезала я, наблюдая, как два чудовища, одно с розово-красно-синей, а другое с зелено-оранжево-коричневой головой шагают к гаражу, – ни овощи, ни фрукты, ни кефир, только воду можно пить, без газа, минеральную.

– Фу, – скривилась Маргоша.

– Красота требует жертв, – отчеканила я, – будь готова к двум, заеду за тобой на работу.

– Может, мне не стоит худеть? – безнадежно поинтересовалась подруга.

– Надо, – заявила я железным тоном. – Ты хочешь получить Глеба назад?

– Да, – плаксиво протянула она.

– Тогда забудь про жратву. – Я топнула ногой и понеслась к «Пежо».

Времени мало, мне надо успеть съездить к Нинке и как следует поговорить с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Грозовой перевал» – название романа английской писательницы Эмили Бронте.

2

Ф.Н.Плевако – один из известнейших в добольшевистской России адвокатов.

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/zhaba-s-koshel-kom>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)